

АВАНТЮРНЫЙ ДЕТЕКТИВ

КОЗЫРНАЯ ПЕШКА

ГЕОРГИЙ ЛАНСКОЙ

Георгий Александрович Ланской
Козырная пешка
Серия «Козырная пешка», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=295792

Аннотация

Вряд ли молодая театральная актриса Алиса Мержинская догадывалась, насколько круто ее жизнь переменится после смерти мужа. В наследство от успешного бизнесмена ей достаются вредные родственники, куча долгов, претензии местной братвы, а также парочка покойников. Распутывать клубок странных событий вокруг себя Алисе придется в одиночку, ведь оказавшийся рядом мужчина ее мечты может легко перейти в стан врага...

Георгий Ланской

Козырная пешка

Красная пелена застилала глаза. Я глухо застонала и постаралась перевернуться на спину, но у меня это не получалось. В багровых сумерках я слабо различала что-то синее-белое, глянцевое, в черных точках и подтеках. Мокрые, спутанные пряди лезли в глаза, и без того застилала свет. Я мотнула головой, и мир вздыбился. Не в силах удерживать тяжелую, как чугунный котелок, голову, я уронила ее на пол. Челюсть лязгнула, и я едва не взвыла от боли.

Боль осязаема. Но кто придумал, что она не видна невооруженным взглядом. Если бы меня в тот момент спросили, как выглядит боль, я, не задумываясь, ответила бы: сине-белая шахматная абстракция, с черно-красными брызгами, хаотично усеявшими все вокруг, застилаемая черными всполохами в багровом свете. Если бы меня спросили, какова боль на вкус, я столь же быстро ответила бы: соленая. Вкуса слез и крови. Если кто-то поинтересовался, как она пахнет, я ответила бы: туалетным утенком с ароматом лимона, химическим ароматизатором и чем-то необъяснимым, но невероятно знакомым... Что-то такое, известное всем и каждому... Вертится же в голове... Ах да...

Боль пахнет кровью.

Я закрыла глаза и с трудом сдержала рвущееся из груди рыдание. Я знала, что так было нужно, потому что тот, кто заставил меня страдать, был еще рядом. Я не видела его, не слышала его дыхания, не чувствовала этой невероятной вони, смеси сигарет и дешевой туалетной воды, но всей кожей чувствовала, что он все еще близко. И что он все еще опасен, и может сделать со мной все, что угодно.

Замри.

Прижмись к полу. Притворись мертвой.

Гризли не едят падали. Они равнодушно проходят мимо. Если я не буду шевелиться, он потеряет ко мне интерес. И тогда я свободна.

Тише...

Тише... Умерь дыхание, заглуши всхлипы. Он все еще смотрит на тебя...

Я пошевелила пальцами. Они слушались плохо и болели, точно их вывернули тисками. Открыв глаза, я словно в тумане увидела свою руку, смазанный силуэт пятилапого паука с окровавленными, трясущимися, скрюченными лапками, одна из которых была увенчана золотым кольцом. Рука лежала на холодной глянцевой поверхности голубого цвета, отражающей верхний свет. Щека моя была прижата к чему-то зеленому, лохматому и теплomu. Видела я плохо, соображала тоже туго и откровенно не понимала, где я, и что со мной. Я моргнула несколько раз, и только тогда до меня дошло осознание.

Я лежала на полу собственной ванной. Голубая глянцевая поверхность – кафель на полу. Зеленое и мохнатое подо мной – коврик для унитаза. Шахматная сине-белая поверхность – облицованная кафелем ванна, а нанесенные в хаотичном беспорядке черные точки это...

Это моя кровь. Только точки не черные. Они красные, но уже успели слегка подсохнуть. Значит, я лежу здесь уже достаточно долго. За спиной в трубах канализации зарычала вода. Это напомнило мне, что вокруг люди, и что, если мне повезет, я смогу выбраться отсюда живой.

Наверное, я застонала слишком громко, когда поднималась, потому что вокруг все сразу пришло в движение. В комнате, где все это время что-то шелестело, словно пронесся ураган со смешным названием Эль-Нинье. Я всегда удивлялась, как ураганам можно было давать такие безобидные названия.

Эль-Нинье несся в мою сторону. И спасения от него не было.

Я все же сделала попытку подняться – для того, чтобы снова рухнуть на пол, но долететь до земли я не успела. Ураган влетел в мое убежище, мою голубую пещерку с зеленой травой и подхватил меня, вознося вверх.

– Очухалась, сука? – проскрипел он, держа меня в своих медвежьих объятиях. Я слабо взвизгнула, а Эль-Нинье потряс меня так, что застучали мои зубы, а волосы взвились вверх в безумном танце, стегая меня по шее и щекам. От Эль-Нинье дурно пахло сигаретами, выпитым накануне спиртным, ментоловой жвачкой и незалеченными зубами.

– Вспомнила, где денежки? – пробубнил ураган. Я отрицательно помотала головой.

– Не вспомнила? – казалось, огорчился ураган и вlepил мне пощечину, от которой моя голова чуть не взорвалась.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – прошептала я, вовсе не уверенная, что ураган меня услышит. Однако уши у Эль-Нинье были чуткими.

– Не знаешь? Или ты мне тут вату катаешь? Все знают, что бабки у тебя. Короче, слушая сюда, кукла. Мне некогда тут с тобой лясы точить. Не хочешь отвечать по-хорошему, я тебе сейчас паяльник засуну туда, куда обычно я сую другие вещи. И вот тогда ты у меня по-другому запоешь...

На тот момент мне было уже все равно. Слова Эль-Нинье доходили до меня как из-под толстого слоя той самой пресловутой ваты, которую я, по его мнению, тут катала. Я закатила глаза, мои ноги подломились, и я сделала попытку рухнуть. Однако ураган держал меня крепко. Потом меня куда-то потащили, недалеко и недолго и рывком наклонили вниз. Мои ноги ощущали махровую траву, зеленого, готова поклясться, цвета. А потом на мою голову обрушился водопад. Я закашлялась, отфыркиваясь и отплеываясь, словно тонущая эпилептичка, вцепившись в своем безумии во что-то мягкое и теплое.

– Слушай меня, – вкрадчиво сказала мягкое и теплое, – ищи бабки, если хочешь жить. И не думай, что сможешь смыться. Потому что я с тебя глаз не спущу. Сроку тебе неделя. Через неделю мы с тобой поговорим по-другому.

Я сфокусировала на говорившем взгляде. Туповатое лицо с тяжелой челюстью, маленькими глазами без всякого признака жизни в них, перебитый нос и уродливая родинка на шее. Зрелище это настолько заворожило меня, что я даже всхлипывать перестала. И в этот самый момент мне стало ужасно страшно. Я отчетливо поняла, что этот человек меня убьет. Не сегодня, так завтра. Ему это все равно, что высморкаться.

– Чего уставилась? – поежившись, спросил он.

– Чтобы на том свете не обознаться, – прошелестела я. Он матерно выругался и швырнул меня в стену. Я споткнулась о ванну, упала в нее, ударившись о стену. Сверху на меня посыпались осколки зеркала. Горячая струйка побежала по шее. Я взвыла от боли, а он удовлетворенно рассмеялся.

– Неделя, помни об этом, – назидательно сказал он и кажется, даже пальцем погрозил. А потом вышел из ванной, где я лежала, усыпанная битым зеркальным полотном, истекающая кровью, готовая скончаться в любой момент. Потом хлопнула входная дверь и я медленно сползла глубже, направила на себя воду и медленно отрешилась от этого мира.

Покой и тишина...

Элегия...

Родители Алисы развелись, когда ей исполнилось шесть.

В этот день все вообще шло как-то наперекосяк. Бабушка с утра варила кашу, засмотрелась в телевизор и спохватилась только тогда, когда по квартире распространился неаппетитный запах гари. Мама утром проспала на работу и убежала в разных туфлях, потом вернулась, переобулась – снова в разные, вернулась вновь и умчалась, бормоча себе под нос, что вот так опаздывать просто неприлично. Отец отсыпался после ночной смены и на

Алису не обращал никакого внимания. А сама Алиса ходила расстроенная и злая, хотя подобные чувства в ее возрасте не должны аккумулироваться. Это самое слово она подслушала у подружки матери – толстой тетке с хитроумной работой психолога. Тетка была омерзительная, и Алиса ее не любила. Та вечно норовила потрепать ее за щечку, поправить бантик и застегнуть пуговку на платье, а потом менторским тоном пожуричь мать, что единственная дочь ходит растрепкой. Алиса таких гостей не любила. Тетка ни разу не принесла ей даже завалящей шоколадки. А на день рождения, ее, Алисин день рождения, тетка заявила без приглашения, откушала праздничных блюд и даже кусок торта выбрала самый лучший, с сиреневой розочкой, который должен был достаться имениннице. А потом в кухне, где они с матерью курили, тетка с идиотским именем Роксана выговаривала матери, что дочка ее – просто бука, не умеющая себя вести, и что в таком возрасте негатив не должен в ребенке аккумулироваться.

Для Алисы это слово было непонятным. Это только через много лет она узнала, что «аккумулироваться» в данном конкретном случае обозначало «накапливаться». Но тогда ей казалось, что эти самые пресловутые чувства кляксами сползаются под ее кровать и только и ждут, чтобы напасть на нее в темноте. Негатив для Алисы совершенно справедливо ассоциировался с черной пленкой от старенького фотоаппарата «Смена», которым папа фотографировал всю семью, а потом сам проявлял и печатал фотографии. Алиса сидела с ним в темной комнате, освещенной красной лампой и, не дыша, смотрела, как в пластмассовой ванночке проявляются лики знакомых ей людей. Иногда папа разрешал ей поддеть деревянным пинцетом без зубчиков мокрую лоснящуюся бумагу с едким тягучим запахом и переложить в другую, где фотографию требовалось «закрепить». Потом папа закреплял фотографии деревянными прищепками на растянутую по комнате веревку. А бабушка из-за дверей ворчала, что ребенку уже давно пора спать, а не сидеть с голым пузом в душной комнате, еще голова заболит чего доброго...

Мама в эти разговоры не вмешивалась. Никогда. И, как считала Алиса, потому что так было нужно. Наверное, потому что мама не любила папиных занятий и никогда их не одобряла.

В этот день, ставшим последним днем семьи Филипповых, Алиса была очень расстроена. Не так давно в соседнем доме затеяли ремонт. На детскую площадку вывалили кучу глины, песка и мелкого щебня. Если учесть, что от площадки осталось одно название в виде покореженной железной горки, сломанного турника и баскетбольного щита без кольца, дети такой перемене обрадовались. Поначалу Алиса и все ее подружки лепили простенькие куличики и пасочки, формируя их ведерками и формочками, копались в щебенке, выискивая мелкие красивые камушки. А потом Алисе пришлось в голову вылить в никак не желавшую держать форму пасочку немного воды. Алиса, собственно, устраивала для своей куклы кашумалашу, коей и намеревалась куклу накормить. Но тут девчонок позвали по домам. Алиса вылила вязкую массу на землю и тоже покинула площадку.

На следующее утро Алиса с удивлением обнаружила, что вылитая ею на землю кашумалаша затвердела и превратилась в плоский и твердый как камень блин. В серединке монолитом застыла пуговица от платья куклы. Поковыряв пальчиком пуговицу, Алиса убедилась, что раствор держит крепко, выдолбила пуговицу прихваченным из дома железным самолетиком, а потом уставилась на раскуроченную глиняную лепешку. Идея, мгновенно сформировавшаяся в ее маленькой голове, ей неожиданно понравилась.

Когда подружки вышли на прогулку, Алиса уже украшала вываленный на землю блин красивыми камушками, выкладывая из них солнышко с длинными лучами. Подружкам новая затея тоже пришлась по душе, и до самого вечера девчонки и мальчишки приготовили целую выставку мозаик.

Рыская по куче щебня, Алиса выискала среди камушков один невероятной красоты – сиреневый, с черными точками, гладкий и почти круглый. Камушек был такой красивый, что Алиса забыла про свою подсыхающую глиняную лужицу.

– Чего у тебя там такое? – спросила Женька, лучшая подружка, заинтересованная Алисиной находкой.

– Камушек, – нехотя ответила Алиса и протянула подружке находку. Женька покатила камушек в руке, а потом предложила, хитро сощутив глаз.

– Давай меняться?

– На что? – поинтересовалась Алиса, глядя как ее камушек оказался в опасной близости от Женькиного кармана, где пропадало все на свете раз и навсегда. Женька протянула замурзанную ручонку, на которой лежали два камушка. Трофеи подружки Алиса оценила с гримаской презрения. Камушки у Женьки были самые обычные. Один желтоватый, таких было много, второй зеленый. Такие попадались реже, но особым дефицитом не были. Маринка, девчонка постарше, из таких вот зеленых камушков целую березку сделала...

Алиса отрицательно покачала головой и протянула ручку.

– Отдай.

Женька сморщилась, словно готовясь заплакать, и отдавать камушек не спешила.

– Отдай, – настойчиво потребовала Алиса. – У меня сейчас там все высохнет, а я рыбку хотела сделать.

– Алис, – заканючила Женька, – подари мне его, а? Он мне так нравится...

– Еще чего! – возмутилась Алиса. – Это я его нашла!

– Ну и что? – ныла Женька. – Зачем он тебе? А я его кукле на шею повешу. Будет у нее взаправдашнее ожерелье, как у принцессы.

– Отдай сейчас же! – закричала Алиса. – Этой мой камушек, я его нашла!

Женька скривилась, но все-таки руку протянула и вернула Алисе ее сиреневый трофей. На мгновение Алисе стало жалко подругу, и она уже была готова, махнув рукой на все, подарить подружке в принципе не слишком нужный ей камушек. Но алчный и злобный взгляд Женьки заставил Алису замолчать. Подружка, бросая на Алису взгляды исподлобья, удалилась к куче щебня и стала выискивать там красивые камушки. Алиса вздохнула и принялась выкладывать на подсыхающей глине узор. Из сиреневого камня получился прекрасный глаз. Белые и желтоватые пошли на чешую и плавники, а из буроватых Алиса выложила хвост. Получилось немного кривовато, но в целом довольно мило.

Утром того злополучного дня Алиса вышла во двор, чтобы полюбоваться на свою рыбку. День выдался солнечный, так что рыбка давно должна была высохнуть. Алиса приблизилась к своей мозаике, уставилась на землю и заревела.

Глиняная лепешка была разбита. Не просто разбита, как бывает, когда на нее случайно наступает кто-то не слишком внимательный, а изуродована. Все ее поверхность была истыкана каким-то острым предметом, камушки извлечены и, что самое главное, сиреневого камушка, который так украшал всю композицию, в центре рыбки не было.

Алиса с ревом бухнулась на коленки и принялась за поиски. Она пыталась утешить себя тем, что может быть, камушек где-то завалился, что она непременно его найдет, но уже сама понимала, что все это бесполезно. Аккумулированная клякса негатива приползла из-под кровати ее комнаты, разбила ее мозаику и украла самое дорогое, что у нее было – сиреневый камушек. Всклипывая, Алиса кинулась к лавочкам у подъезда, куда как раз вышла ватага девчонок. Среди них была и Женька. Алиса бросилась к подружке, чтобы поведать ей страшную историю вандализма, но Женька вдруг шарахнулась от Алисы, закрывая собой что-то кружевное и нарядное. Однако сделала она это недостаточно быстро. Ошарашенная Алиса увидела за спиной подружки ее парадную куклу... с сиреневым камешком на шнурке вокруг шеи.

Алиса не смогла сказать ни слова. Она стояла, с наполняющимися озерами глаз, из которых скатывались одинокие слезинки, проложившие на замурзанном личике канавки. Женька молчала и хлопала ресницами, судорожно прижимая куклу к себе. Деревянными шагами Алиса прошла мимо подружки и вошла в свою квартиру.

Скандал уже затухал. Алиса сразу это поняла по тем отголоскам, которые доносились из кухни. Мать рыдала, а отец что-то говорил, раздраженно и отрывисто, как всегда, когда сердился. Бабушки не было видно. Она наверняка притаилась где-то в глубине квартиры, чтобы не попасть под горячую руку дочери или зятю. Когда Алиса оказалась в прихожей, ей захотелось броситься к родителям, рассказать им про коварную Женьку, но едва она сунулась в кухню, как отец развернул ее, шлепнул по попе и захлопнул дверь. Спорить с отцом Алиса не решилась и ушла в комнату, которую делила с бабушкой. Та действительно сидела там, стараясь не дышать. По плотно сжатым губам старушки, Алиса поняла, что в доме что-то не так...

«Что-то не так, что-то не так...» отбивали ходики с кукушкой на стене. «Не так-не так», соглашался поезд, проносившийся сов сем рядом. Дома Алисы стоял рядом с железной дорогой. Иногда проносившиеся мимо поезда свистели так, что маленькой девочке казалось, что они влетят в ее комнату. Успокаивала мысль, что поезда ходят все-таки на первом этаже, а Алиса жила на втором, так что на этот счет беспокоиться следует скорее противной бабе Нюре, живущей как раз под квартирой Алисы. И потом, поезд – это все-таки что-то земное, понятное... Не похожее на темные кляксы под кроватью, которые так и норовили схватить тебя за ногу...

При виде Алисы, бабушка испуганно подскочила на месте. И хотя она улыбнулась внучке, Алиса поняла, что бабушка напугана, и ничуть не меньше ее.

– Алисочка, ты чего это так рано? Нагулялась уже? Сейчас, сейчас кушать будем... Хочешь кушать?

– Не хочу, – помотала головой Алиса.

– А чего у тебя глазки заплаканы? – всполошилась бабушка и бросила в сторону кухни встревоженный взгляд. – Тебе папа что-то сказал?

Алиса выложила бабушке все. И про разбитую рыбку, и про сиреневый камушек, который вероломная подружка повесила на шею своей кукле, и про то, что папа только что шлепнул ее по попе ни за что. А кушать она не хочет, разве что молока с печеньем.

Бабушка опасливо взглянула в сторону кухни и в нерешительности замялась возле дверей. Идти туда, где еще гремели залпы полковых орудий, ей не хотелось. И тут на лице старушки появилась плутоватая улыбка.

– Иди сюда, внученька, я тебе кое-что покажу.

Бабушка достала из шифоньера плоскую, оклеенную мелкими ракушками шкатулку, которую Алисе строго настрого запрещали трогать. При всем желании достать до верхней полки Алиса не могла, а бабушка демонстрировала свои сокровища очень неохотно. А теперь вожделенная шкатулка оказалась так близко, что Алиса немедленно забыла все свои горести. Женька, камушек и сердитый папа отошли на второй план.

Под крышкой шкатулки оказались совершенно потрясающие вещи. Длинная нитка жемчуга, брошь со сверкающими бриллиантами, золотая цепочка, желтые бусы, красные бусы... и нечто совершенно невероятное. Когда Алиса увидела это, у нее перехватило дыхание.

«Этим» оказалась роза. Самая настоящая роза из сверкающих капелек росы, застывшей на крыльях бабочек, украшение феи, подарок для Золушки... Все, что угодно, только не обыкновенное украшение. Алиса от изумления открыла рот. А бабушка как фокусница выуживала из шкатулки все новые и новые сокровища. Вслед за розой на свет божий показалось роскошное ожерелье из тех же капелек, преимущественно красного цвета, с вкраплени-

ями более крупных, насыщенных и глянцевых. Потом бабушка показала еще одно ожерелье, бело-зеленое, как травка, пышное и совершенно невероятное по своему рисунку, в которое были вплетены листики и цветочки. И последним оказалось ожерелье из совершенно белых искр, нежное и холодное одновременно, словно его только что носила сама Снежная Королева.

– Что это, бабушка? – прошептала Алиса, к которой никак не мог вернуться голос.

– Это, милая, бисер. Все эти бусы и брошь я сделала сама. Моя матушка была большая мастерица по этой части, и меня научила. Вот в этом, – бабушка ткнула скрюченным пальцем в ожерелье Снежной Королевы, – выходила замуж твоя мама. Я плела его ей на свадьбу.

Из глаз бабушки на белый бисер упала слезинка. Бабушка по-простецки смахнула ее рукой и улыбнулась.

– Вот, все маму твою пыталась научить плетениям, да только не хотела она учиться. А ты у меня уже совсем большая. Хочешь, я тебя научу?

Алиса хотела. Бабушка тут же вынула откуда-то целый мешок разноцветных бусинок и принялась объяснять внучке хитрости бисероплетения. Они провозились с бусами довольно долго, а из кухни все слышалось бубнение матери и резкие выкрики отца. Бабушка нервно косилась в ту стороны и преувеличенно громко говорила Алисе: «Нет, нет, это вот сюда, а вот эту ниточку вниз...»

Дзынь!

Алиса и бабушка подскочили как ужаленные.

Дзынь!!!

Что там происходило такое? И что это так звенит? Алиса перепугалась и прижалась к своей худенькой, как болонка, бабушке, которая тряслась не меньше внучки. Что там такое происходит с родителями?

– Ма-а-а-амочка-а-а-а! – робко позвала Алиса, и мать тут же влетела в комнату, схватила ее за руку и дернула так, что только что нанизанные на ниточку бисеринки разлетелись по всей комнате. Алиса взвыла от боли и страха, но мать не обратила на это никого внимания. Она выволокла Алису на кухню и толкнула ее к отцу.

– А про нее ты подумал? – заорала она, ничуть не подумав, что дочь с размаху врезалась в угловатые коленки отца и заревела от боли и страха. – Ее кто кормить будет?

Отец поднял Алису с пола отстраненно и холодно, как упавшего в лужу щенка, которого теперь нужно отмыть и выставить на продажу, пока он еще юн, лопоух, и вызывает умиление. Алиса от страха и боли даже плакать не могла: так все происходящее выходило из устоявшихся рамок привычной жизни.

«Что-то не так, что-то не так», – тикали ходики.

«Не так – не так», – вторили колеса поездов.

– И чего ты удумала? – спросил отец неживым голосом, острым, словно льдинки в ожерелье Снежной Королевы?

Алиса скосила глаза и увидела на полу осколки чашки, ее любимой, с львенком и черепахой из мультфильма. Ее кто-то разбил. Наверное, мама, потому что она нервно мечется из угла в угол, хватая то посудное полотенце, то фартук, который одевала только бабушка, потому что мама редко готовила. А папа сидит на стуле такой спокойный. Ему вряд ли пришло бы в голову швыряться чашками, тем более такими, с львенком и черепахой, которую он сам и купил Алисе.

– Только попробуй, – угрожающе взвыла мать, – только попробуй!

– Чего попробуй? – вроде бы удивился отец.

Мать снова схватила Алису, и поставила ее прямо на табуретку, словно девочка должна была прочитать стишок. Алиса зажмурилась, ее нога попала мимо стула, и она наверняка бы свалилась, но мать держала ее крепко.

– Если ты попробуешь сейчас уйти, ты ее никогда больше не увидишь, – заорала мать и для пущего эффекта потрясла дочь, как тряпичной куклой. Алиса заревела, но родители не обратили на это никакого внимания. Отец лишь криво усмехнулся и внезапно посмотрел на дочь своими темными, почти черными глазами.

– Ну, и пожалуйста, – равнодушно пожал он плечами.

Мать вдруг шумно выдохнула и отпустила Алису. Та закачалась на стуле и поспешно прыгнула на пол. Все происходившее в комнате ничуть не походило на ее жизнь. Это вообще не было похоже на ее обыденность, в которой что-то могло пойти не так. Это, все это, вообще ни на что не могло быть похоже.

– Как – пожалуйста? – почему-то шепотом спросила мать.

– Так, пожалуйста, – ответил отец и посмотрел на мать с неприязнью. – Если ты так хочешь, пусть будет по-твоему.

Он встал и пошел к дверям, попутно отстраненно и как-то безразлично отцепив липкую от пота ручонку Алисы, впевнившуюся в его брюки.

– Я тебя голым в Африку пушу, – заорала ему вслед мать. – Ты мне все выплатишь, все до копеечки! Думаешь, я хоть что-то упущу? Я знаю про свои права!

Отец обувался в прихожей и почему-то хихикал, нервно и злорадно. Алиса, сосавшая свой палец, подумала, что папочка никогда так не смеялся. В прихожей было темно, и Алиса отчетливо видела, как по папиным брюкам вверх ползут кляксы, темные и страшные, как пауки-тарантулы, про которых рассказывал дядя Коля Дроздов в своей передаче про животных. Вот сейчас они поползут по его рубашке и прыгнут папе на лицо...

– Валяй, – ехидно произнес отец. – Много ты получишь алиментов с моей официальной зарплаты? У нас на заводе уже четыре месяца ничего не платят. Так что жди, дорогая, пока нам зарплату выдадут. Счастья тебе, милая. А меня прощу больше не беспокоить!

Дверной замок лязгнул так, что Алиса вздрогнула.

– У тебя дочь! – заорала мать.

– У меня никого нет, – отрезал отец и сделал шаг назад. Темная клякса прыгнула ему на лицо и Алиса пронзительно завизжала. Мать закрыла уши руками и взвыла. Из соседней комнаты выскочила бабушка, схватила отбивающуюся внучку и потащила прочь, а Алиса визжала, не переставая, и все хотела рассказать, как она видела, ВИДЕЛА, что на папином лице сидела та самая темная клякса, которую мамина подруга называла аккумулятивным негативом.

Развод родителей послужил первым толчком к безрадостной жизни, которую потом влачили осколки семьи Филипповых. На суде мать держалась гордо и согласилась дать отцу свободу и старенький «Москвич» в обмен на квартиру и дочь. Отец согласился сразу. После суда он даже не подошел к дочери, сидевшей в обнимку с бабушкой на продавленных креслах в здании городского суда. В его полутемных коридорах Алиса отчетливо видела, что по одежде отца ползают пауки, агрессивно переплетающих свои лапы в хаотичном рисунке. Подходить к отцу она побоялась. Как до жути боялась того, что давно жило у нее под кроваткой. Алисе казалось, что стоит ей заглянуть туда, и неведомое чудовище заберет ее. Она уже к тому времени давно научилась застилать за собой постель, но, всегда делая это, становилась на самый краешек ковра, чтобы даже кончик мизинца не попал за пределы этой невидимой границы. А, укладывая поверх одеяла и простыней старенькое покрывало, свисавшее до самого пола, Алиса отдергивала ноги от спадавших на пол складок, опасаясь, что из них выскочит острое лезвие и отрубит ей половину ступни, если она хоть на миллиметр заступит за черту.

Иногда Алисе казалось, что если бы она не стала бы украшать рыбку найденным сиреневым камушком, а принесла его домой и подарила бы родителям, они бы не расстались и ее жизнь пошла бы по-другому. С Женькой они все-таки помирились через несколько дней,

но найденного камня подружка ей не вернула, виновато продемонстрировав болтавшийся на кукле шнурок. Камушек выскользнул из небрежно завязанного узелка и потерялся. Солидарная с Алисой подружка долго искала его во дворе, но тщетно.

Жить без отца было трудно. Причем, трудно во всех смыслах этого слова. Зарплату отцу действительно не платили уже давно, но он «бомбил» на своей машине, и денег им хватало хотя бы на еду и нехитрые покупки. Мать в своем театре не работала уже давно, и даже не пыталась устроиться хоть куда-то. Она долго писала жалобы на злостного алиментщика во все инстанции, куда отец присылал справки с работы, где он все еще формально числился, хотя завод, работавший прежде на оборонку, благополучно умирал. В агонии он иногда выпускал прицепы для мотоциклов, паяльные лампы и еще какую-то никому не нужную дребедень. Однажды заплаканная мать приволокла домой две паяльные лампы, которые получила в качестве алиментов, а потом пыталась продать их знакомым. Лампы не взял никто, и мать выбросила их на помойку. Жили на бабушкину пенсию, которая спасала и непутевую дочь, и внучку от голодной смерти.

Бабушка умерла, когда Алисе было четырнадцать. Бабушка долго болела и уже не вставала с постели. Ей требовались лекарства, на которые и уходила ее крохотная пенсия. Мать не переставала требовать деньги с отца, но взять с него было особо нечего, так как официально он числился безработным и даже стоял на бирже труда. Больше мать делать ничего не могла.

– Ничего, ничего, – иногда злорадно восклицала она, – скоро и на нашей улице перевернется вагон с пряниками. Вот когда я получу роль...

Алиса согласно кивала и не прекращала своего занятия. Привитое бабушкой умение делать из бисера элегантные вещи было тонким ручейком, втекавшим в семейный бюджет. Броши, браслеты и ожерелья Алиса делала на заказ и сдавала их в магазин. Поначалу простенькие фенечки и бусы становились более изысканными. Среди бисеринок попадались кораллы, гранаты, яшма и янтарь. Ожерелья становились дороже, денег получалось больше, но все они уходили на закупку нового материала и лекарства бабушке. Алиса с ужасом обнаруживала, что обувь снова ей мала, и нужно покупать новое пальто или платье. Мать же продолжала мечтать о роли.

– Иногда мне кажется, что так тонко чувствовать, как я, в нашем театре не мог никто, – трагично уверяла она. – Поэтому меня и не хотели видеть в труппе. Ах, если бы я снова могла войти на сцену... Я показала бы, что только по-настоящему трепетная душа способна сыграть любую роль. Как там у Чехова...

На этих словах мать замолкала, поскольку как там было у Чехова, она не имела никакого представления. Алиса уже в то время понимала, что мать – актриса-неудачница, второго или даже третьего состава, чей бенефис ограничивается фразой «кушать подано». Однако спорить с матерью, которая все ее мечтала сыграть если не Джульетту, то хотя бы любую из чеховских сестер, было бесполезно. И оставаясь дома, с больной матерью, она репетировала роли, которые не могла получить. Произнося монолог Офелии, она не слышала хрипа из соседней комнаты. Когда Алиса вернулась домой, довольная выручкой от продажи гарнитура из янтаря, мать, страдавшая по Гамлету, готовилась утопиться. Бабушка лежала на полу, зацепившись одной ногой за запутавшийся пододеяльник. Ее ночная сорочка неприлично задралась так, что были видны грязно-желтые рейтузы в бурых пятнах фекалий и мочи.

Хоронили бабушку в простом сосновом гробу, оббитым красным сукном, которое она заботливо припасла себе «на смерть». Мать трагически рыдала, заламывала руки и бросалась на свежевырытый холмик земли, на радость провожающим в последний путь свою подружку соседкам. И только Алиса стояла, стиснув зубы до крошева, не проронив ни слезинки. В отличие от соседок она прекрасно видела, что это последний спектакль матери, которая еще не понимает, что случилось с их жизнью.

На похороны бабушки ушли последние деньги, в том числе и те, что Алиса выручила за янтарный гарнитур. Без бабушкиной пенсии жить стало совсем кисло. Мать, поначалу охотно пускавшая в дом разных кумушек, резко переменяла свое отношение к ним, после того, как пронырливые бабули вытаскали из квартиры последние запасы. Алиса была в отчаянии. Она постоянно хотела есть, но есть дома было нечего. Скромные деньги, которые она зарабатывала, теперь уходили только на расходные материалы и еду.

– Алисочка, – сладким голосом бляла мать из своей давно неубранной комнаты, – ты уже пришла?

– Да, мама, – буркнула Алиса, чертыхаясь почти беззвучно. Китайский сапог из неизвестного зверя начал расползаться по шву. Колготки были совсем мокрыми, да еще на большом пальце появилась огромная дыра.

Мать появилась на пороге, в своем необъятном халате с дырой на животе, сбитыми набок волосами. Она явно провела весь день на боку. Алиса чуть заметно поморщилась. Она ушла из дома в половине девятого, после школы оббежала три магазина, где лежали ее работы и только в одном ее порадовали деньгами. Да и что это были за деньги?

Получив в магазине ничтожную сумму только за одни проданные сережки, Алиса чуть не расплакалась. На эту крохотную горстку монет и всего две смятые бумажки ей нужно было купить продукты, выделить деньги на оплату коммунальных услуг. А ей совершенно не хотелось этого делать.

– Ну что, детка? – жалобно спросила мать, – Ты продала что-нибудь?

Алиса вдруг почувствовала животную ненависть к этой неопрятной женщине, которая вот уже несколько лет паразитировала на ней, как прежде паразитировала на своей больной матери. Это чувство росло в ней изо дня в день, но тогда, стылым февральским днем, она почувствовала, что больше не в силах одна грести в перегруженной лодке против течения.

– Ничего, – раздраженно ответила она. – Все еще ничего не продано. Зря только моталась...

Алиса вошла на кухню и с тоской уставилась на гору грязной посуды. Мать даже не подумала вымыть ее. Кастрюлька с гречкой, в которой утром еще оставались два жалких кусочка курицы, была пуста. Видимо мамочка, надеясь на дивиденды от продажи рукоделья дочери, подчистила запасы. Мать этот взгляд заметила и стыдливо опустила глаза.

– А у нас и покушать ничего нет, – со вздохом произнесла она. – Ты даже лапши не купила? Мы бы кипяточком ее... кипяточком...

Мать отшатнулась, увидев страшные глаза Алисы. Та повернулась к матери и уставилась ей в лицо немигающим взглядом. Мать с опаской глядела, как трясущиеся руки дочери хватают со стола то нож, то вилку, то пестик. Осторожно, боком, как бегущий краб мать скрылась в своей комнате и до самого вечера не показывалась из нее. Алиса выбежала из дома и с мстительным удовольствием остановилась у первого же лотка, с которого купила себе восхитительно пахнущую, невероятно жирную сосиску в тесте. Она алчно пожирала ее прямо на улице, неприлично чавкая, облизывая пахнущие маслом пальцы, и не заметила, что из-за старой занавески на нее смотрят застывшие глаза матери.

Алиса теперь утаивала часть своей прибыли, здраво рассудив, что ей нужно хотя бы иногда нормально питаться. А что касается оплаты коммунальных услуг, пусть этим озабочится ее мамочка. Скандал разразился через пару месяцев, когда она застала мать, роющуюся в ее карманах.

– А что ты хочешь? – в слезах орала мать. – Я тоже хочу кушать. Думаешь, я не чувствую, что ты тишком там жрешь? Я видела, я все видела! Мне тоже хочется пирожных! Я тоже люблю бутерброды с колбасой!

– Так иди на работу, – вопила в ответ Алиса. – Ты сидишь дома уже почти восемь лет. Чего ты ждешь? Что тебе предложат сыграть Джульетту? Мама, очнись, тебе тридцать шесть лет, а Джульетте было на двадцать меньше. Никто тебе не предложит роли!

– Еще как предложат! – мстительно отвечала мать. – Если хочешь знать, главная роль в новой пьесе у меня уже почти что в кармане! Я буквально вчера разговаривала с Орловым. Он готов попробовать меня в новой антрепризе!

– Мама! – выла Алиса, – Орлов уже год как работает в другом городе. Как он будет пробовать тебя на главную роль?

– Ну и что? – не смутилась мать. – Я поеду с гастрольями по всей России. Мы вчера как раз обсуждали эту тему... Да он сам мне это предложил! Да!!! Позвонил и предложил!

Алиса опустила руки и рухнула на стул. Ее лицо было мертвым и усталым, словно каждый из ее шестнадцати лет шел как минимум за три.

– Мама, – безжизненно произнесла она, – у нас телефон уже три месяца как отключен за неуплату. Куда он тебе позвонил? В рельсу?

– Он позвонил Клавдии Никифоровне, – не моргнув глазом, ответила мать, – а та любезно пригласила меня к телефону.

– Откуда Орлову знать телефон Клавдии Никифоровны? – ядовито поинтересовалась Алиса.

– Господи, да какая разница? – воздела мать руки горе. – Наверное, посмотрел в телефонном справочнике.

– Разумеется, – кивнула Алиса. – Все очень просто: нашел телефон в справочнике. Видимо в Якутске, где он сейчас находится, телефонные справочники нашего города продаются на каждом углу. А телефон Клавдии Никифоровны выделен там жирным шрифтом.

– Он мог случайно прихватить его с собой, – безразлично пожала плечами мать, а затем, раскрыв ветхую шаль, как крылья птицы, она закружилась по комнате. – Ах, девочка моя, ты не представляешь, какая это замечательная роль! Я буду блистать в этом крае белых ночей, как королева. Знаешь, когда мы с Орловым работали вместе, у нас чуть было не случился роман... Но я тогда уже была замужем за твоим подлецом-папашей и отвергла этого перспективного молодого человека. А вот он, как видишь, меня не забыл. И спустя столько лет помнит о нашей любви... Как знать, может быть в этом городе, наша любовь вновь расцветет?

Мать уже несло. Она говорила с невероятным пафосом. Но даже тут, среди родных стен, где из зрителей была только дочь, она не смогла сыграть эту сцену убедительно. Алиса подумала в очередной раз, что лавры Сары Бернар матери не светят.

– Ты никогда не работала с Орловым, – мстительно выпалила Алиса. – Он пришел в наш театр через четыре года после того, как тебя вышибли даже с эпизодов. У вас никогда не было романа, потому что его красавица жена моложе тебя на пять лет. И он никогда не звонил тебе из Якутска.

– Почему это? – удивилась мать и посмотрела на дочь чуть более осмысленным взглядом, перестав кружиться.

– Потому что он не в Якутске, – подытожила Алиса.

– Как же? – оторопело произнесла мать и опустила руки. – Ты же сама только что сказала.

– Я просто так сказала, – фыркнула Алиса. – И я, конечно, не знаю, где он сейчас. Но точно не в Якутске.

Мать такие мелочи смутить не могли.

– Значит, я просто перепутала город, – отмахнулась она и снова закружилась по комнате. Алиса вздохнула и даже не стала упоминать, что Клавдия Никифоровна не далее как позавчера укатила на «скорой помощи» в больницу, наказав соседке сверху поливать ее

цветы и кормить кота. Скажи об этом Алиса вслух, Клавдия Никифоровна трансформировалась бы в устах матери в Авдотью Петровну.

Мать вдруг перестала кружиться и уселась рядом с Алисой, уставившись на нее взглядом, исполненным трогательной заботы.

– Доченька, а впереди ведь твой выпускной. Ты уже придумала, в чем ты будешь? Я хочу, чтобы ты была самая красивая... Ты же у меня просто супермодель... Куда до тебя всем этим вертихвосткам...

Приближающийся выпускной приводил Алису в шок. До него оставалось каких-то двадцать дней, а надеть Алисе было решительно нечего. Она перерыла все наряды матери, пылившиеся в шкафу, но все это было решительно не то. Только одно платье – старое черное платье из шелка, все еще выглядело опрятным, хотя и слежавшимся, с четким нафталиновым шлейфом. Это было платье для бессловесной роли горничной, которое матери сшила бабушка, нашедшая, что убожество, выданное ей реквизитором, ничуть не красит ее дочь. Мать надевала его всего несколько раз, а потом забросила на полку. После того, как она родила Алису, влезть в это платье ей не удалось никогда. Алиса же не так давно это платье примерила, и оно пришлось ей впору.

Супермодель... Алиса криво усмехнулась на этот сомнительный комплимент. Ее худоба, чуть впавшие щеки и глубоко посаженные глаза со взглядом кошки отнюдь не придавали ей, по ее мнению, шарма. Все это был не результат длительных тренировок, а постоянного голода. Много ли жиру накопишь на кефире и гречке, которыми она питалась почти постоянно. Вечером Алиса снова вытащила платье из шкафа, натянула его и критически посмотрела на себя в зеркало.

Да, для выпускного, конечно, мрачновато. Но это можно исправить. Отпороть эти дурацкие лишние юбки, белый воротничок и передник, сделать поглубже декольте... И хорошо бы это чем-то задекорировать... пара брошек, браслетики... и будет не так ужасно. Алиса принялась за работу, и через два дня мрачноватое платье приобрело совсем другой вид. Дело осталось только за украшениями. Алиса перебрала все, что имелось в доме, но все было тщетно. Даже бабушкины сокровища, которые в детстве казались ей самыми настоящими бриллиантами и золотом на поверку оказались дешевыми стекляшками и латуной. Алиса уже отчаялась что-то придумать, но тут ей улыбнулась удача.

Отправившись в магазин за бисером, Алиса вдруг замерла. В одном из контейнеров на витрине переливались сиреневые кристаллики. А рядом, рядом... На бархатной подушечке лежал камушек, такого же оттенка, что и кристаллы, только с вкраплениями черных точек... Совсем такой, как в детстве.

– Это что? – прерывающимся голосом спросила Алиса, ткнув пальцем в кристаллы. Продавец улыбнулась постоянной покупательнице и вынула контейнер с кристаллами на витрину.

– Это аметисты. Дороговато, конечно, но очень красиво.

– А... – Алиса дрожащей рукой указала на сиреневый камешек, – это что за камень?

– Углядела таки, глазастая, – усмехнулась продавец. – Это чароит.

– Чароит?

– Чароит. Он только в одном месте и есть, на Урале. Больше в мире нигде его месторождений нет. Берешь?

– Беру... – прошептала Алиса и вытряхнула из кошелька все, что у нее было. На аметисты и чароит ей хватило, сиреневые бисеринки тоже удалось закупить в нужном количестве, а вот на обратную дорогу денег не осталось. Четыре остановки Алиса прошла пешком, но это ничуть не умалило ее восторга. Она засела дома за плетение, прерываясь только тогда, когда глаза уже не видели иглы и лески. И уже на выпускном показала во всем великолепии.

Поверх черного платья свисала бисерная накидка сиреневого цвета с вкраплениями аметистов. В волосах – огромная бисерная роза (такая же, какая была у бабушки, только сиреневая), а на шее ожерелье из аметистов, венчал которое оплетенный камнями и бисером круглый глаз чароита.

Это был настоящий триумф. Девчонки ахали и просили померить вещи. Лешка Сазонов, который и до этого косился в ее сторону весьма недвусмысленно, пригласил на танец, чем вызвал бешеный взгляд Женьки, рассчитывающей хотя бы на выпускном приручить этого необъезженного скакуна. Потом было все: и томные объятия под медленную музыку, и бешеный, страстный первый в жизни секс в запертом классе, и романтический поход на берег реки, где вся компания встречала рассвет. Ожерелье и роза в волосах не пострадали, а бисерная накидка в пылу Лешкиной страсти треснула и частично стекла на пол. Алиса потом восстанавливала ее, отчетливо понимая, что повторить свой триумф она вряд ли отважится. Да и некуда ей было надеть эти вещи.

Накидка из бисера и ожерелье были одеты Алисой только через пять лет. Розу она подарила Женьке, долго дувшейся на нее из-за Лешки. Жить с матерью было сложно, и тогда Алиса решила учиться. Но на экономический ее не взяли, особого выбора больше не было. И хотя практичная Женька советовала идти в повара («Хоть накормлена всегда будешь, а то как килька тощая», – ворчала она) Алиса пошла в театральный, где внезапно легко прошла по конкурсу. Учеба не приносила ей удовольствия, поскольку лицедействовать ей не нравилось. После окончания колледжа, Алиса поступила на работу в тот самый театр, где еще поминали недобрыми словами ее мать. Мама была довольна, хотя и завидовала дочери, видя ее в тех ролях, что никогда не доставались ей. Но Алисе не везло. Ей редко предлагали хорошие роли ввиду ее молодости и неопытности. В основном она играла в детских спектаклях то Золушку, то Настеньку из «Аленького цветочка».

– Дура ты, – беззлобно констатировала Женька. – Ты же талантище, а играешь какого-то Нуф-Нуфа. Тебе самой не надоело?

– Надоело, – пожалала плечами Алиса и придвинула себе поближе вазочку с абрикосовым вареньем, которое варила Женькина мама. – А что делать? Офелию мне никто не предлагает.

– Так подсуежилась бы сама, – фыркнула Женька. – Я еще могу пережить, что Гамлета играет Шалаев, из которого уже сыплется песок, но то, что Офелию у вас играет его супруга, которая играла Троцкого еще при жизни Ленина – это перебор.

– Шалаев режиссер, – пожалала плечами Алиса. – Переть против него буром – наживать себе смертельного врага. Он из театра попрет за здорово живешь. И куда мне потом? Снегурочку изображать? Так ведь Новый год раз в году бывает. На этом сильно не разбогатеешь.

– Можно подумать ты на своих ролях капитал сколотишь, – отмахнулась Женька. – Не смей меня. Тебе вон жрать нечего, на кефире и картошке сидишь, да еще мамаша из тебя соки пьет... Она хоть ходит на работу?

– Ходит, – скривила губа Алиса, вспомнив, как всеми правдами и неправдами устроила мать в билетеры. – Говорит, манит ее пыль кулис и свет ramпы... Готова на все и так далее.

Женька фыркнула, как крайне недоверчивая лошадь.

– Ей верят?

– Не думаю. Скорее всего, просто жалеют... – Алиса долила себе чаю и задумчиво уставилась в стену.

– Я бы на твоём месте подумала и подкатилась к режиссеру с предложением. Пусть тебя хоть дублершей поставят.

– Что ты, – отмахнулась Алиса. – Дублершей его жены давно назначена Костюкова – заклятая соперница.

– Да ей в обед сто лет, – возмутилась Женька.

– Ну и что? А Шалаевой двести. Но обе уверены, что театр держится только на них. Обе на сцене возомнили себя воплощением Джулии Ламберт и старательно держат паузу, мол, кто более великий, у того пауза длиннее.

– И что? – заинтересовалась Женька.

– Ничего. Как-то в «Женитьбе» обе держали паузу десять минут. На одиннадцатой народ освистал их и потянулся к выходу. Но им хоть бы хны. Шалаев не отважился их даже распекать. Одна его дома со свету сживет, Костюкова тоже фигура, которой так просто не пожертвуешь: все-таки заслуженная артистка уже... Хотя мне кажется, ей просто за выслугу это звание дали.

– Может, повезет? – с надеждой произнесла Женька. – Одна ногу сломает, вторая отравится, а тебя на сцену...

– Угу... – кивнула Алиса. – Не с моим это счастьем. Ладно, потопала я. У нас еще генеральная репетиция сегодня, а вечером спектакль и прием. Приходи к половине седьмого. Спонсор будет поляну накрывать, может и нам чего перепадет.

– И в качестве кого я там буду? – почесала лоб Женька.

– Представлю тебя как призера чемпионата великих визажистов из городу Парижу, – усмехнулась Алиса. – Да, зайди ко мне, привези мне мою накидку бисерную и ожерелье. Знаешь, где лежат?

– Знаю. Ключи давай.

Алиса отдала Женьке ключи и отправилась в театр. Ей и в голову не приходило, что этот день станет для нее переломным.

В театре царила непривычная суэта. Шалаев бегал по залу и трагически заламывал руки. Алиса удивленно посмотрела на него и прошла в гримерку, которую делила с двумя актрисами. Следом тенью прошмыгнула мать.

– Алиска, тут такое... – возбужденно прошептала она.

– Мама, мне переодеться надо. Ты говори, чего хотела и быстро.

Мать придвинулась ближе и, опасливо оглядевшись по сторонам, зашептала Алисе прямо в ухо, брызгая слюной.

– Шалаева и Костюкова подрались! Шалаев в шоке, хочет отменять спектакль.

Алиса чуть не села мимо стула.

– Как подрались?

– С утра. Приехали на подгонку костюмов. Спектакль то спонсорский, денег вбухано куча... И сцепились из-за платьев. Мол, чего это королева-мать выглядит лучше Офелии? Слово за слово – и понеслось...

– И где они? – спросила Алиса.

– По домам разъехались. Костюкова Шалаевой своей клюкой прямо в лицо двинула и зуб выбила передний. Скандал-то какой! Офелия без зубов... А Шалаева Костюковой все лицо расцарапала. Олежек, декоратор наш, полез их разнимать и тоже по морде схлопотал. Чего делать будем, ума не приложу...

– Неужели спектакль отменяют? – удивилась Алиса.

– Не знаю. Это же ужас просто. Сегодня сам губернатор пожалует, это мне девчонки сказали, да еще спонсор будет – этот... Держинский...

– Мержинский, – автоматически поправила Алиса.

– Вот-вот. И что самое плохое – замены никакой нет...

В этот самый момент в гримерку влетел Шалаев, бледный и взъерошенный. Он оглядел ее безумным взглядом и тут уставился на Алису, словно видел ее в первый раз в жизни.

– Алиса, – срывающимся от отчаяния голосом, произнес он, – ты случайно не знаешь роль Офелии?

– Знаю, – невозмутимо ответила Алиса. – Я же ее столько раз слышала в исполнении вашей супруги.

Шалаев обрадовано подпрыгнул.

– Девочка моя, давай бегом на сцену, сейчас будем репетировать... суфлер у нас замечательный, так что если чего забудешь, он подскажет... Еще бы найти кого на роль королевы...

И тут мать, тихонько стоявшая за спиной Шалаева, резво сделала шаг вперед.

– Петр Демьянович, я прекрасно знаю эту роль. Я же ее уже играла, правда давно, помните?

Алиса чуть заметно ухмыльнулась. Мать никогда не играла этой роли, хотя была в составе дублеров. Все реплики она разучивала дома, предпочитая, кстати, быть не королевой-матерью, а именно Офелией.

Шалаев смотрел на мать, как на привидение. Она умоляюще сложила руки.

– Петр Демьянович, вы же видите, ситуация непростая, а спектакль спонсорский... Отменить никак нельзя. И потом, только я смогу вас выручить...

Шалаев тупо смотрел сквозь мать, а потом, стиснув зубы в отчаянии, махнул рукой.

– На сцену! Обе! Делать нечего. А там, авось, никто ничего не поймет.

Происходящее Алиса запомнила плохо. Генеральный прогон прошел отвратительно. Актеры, перепуганные внештатной ситуацией, то и дело путались в репликах и забывали текст. Костюмеры спешно искали наряды для новых актрис. Все происходящее сильно смахивало на кошмарный сон. Алиса едва успела провести в зал Женьку и усадить ее на боковых местах, где обычно располагалась пресса и приглашенные безбилетники. Последнее, что Алиса запомнила перед выходом на сцену, было неестественно спокойное лицо матери, которая тонула в слишком большом для нее платье и отрешенно перебирала бусины жемчужного ожерелья как четки. Шалаев рвал на себе волосы. В зале витала атмосфера неминуемого провала.

Атмосфера, надо сказать, себя оправдывала. Женька, нервно ерзавшая в кресле прямо перед сценой, с ужасом ждала, что сейчас ее лучшую подругу закидают тухлыми помидорами. Актеры играли из рук вон плохо. Даже Шалаев, игравший Гамлета уже почти тридцать лет, поставивший этот спектакль (а временами имевший наглость заявлять и о своем авторстве на это произведение) забывал текст и дважды, не слыша подсказок суфлера, нес полную околесицу. Органично на сцене выглядели только Алиса, и, что удивительно, ее мать, совершенно одереvenевшая от страха, отчего королева в ее исполнении получилась чопорной и по-настоящему английской. После первого акта из зрительного зала слышались жидкие хлопки. Алисе было все равно. Ее даже забавляла беспомощность режиссера и других актеров. Может быть, именно поэтому во втором отделении она и решилась на невероятный финт, в корне переломивший ход спектакля.

Зал и без того следил за тоненькой и хрупкой Офелией, которая с дрожью в голосе объяснялась в любви к потасканному Гамлету. Однако Алиса этого не ведала. Исполняя сцену безумия, она выскочила к публике в белом пеньюаре и букетом хризантем, оставив занюханный веник из искусственных цветов за кулисами. Шалаев явно не ожидал, что Офелия, подбежав к краю сцены, вместо унылого хождения по ней изберет другой путь.

– Ты куда поперлась? – прошипел Гамлет из-за кулисы, но Алиса не слышала его и медленно спускалась в зал, переступая босыми ногами по бархатной дорожке. Зал как замороженный смотрел как юная актриса, не переставая говорить свой безумный монолог, идет вглубь, обрывая лепестки цветов и разбрасывая их.

– Вот розмарин, – неживым голосом произнесла Алиса, высыпав на колени тучной дамы в пошлом вечернем платье горстку лепестков, – это для воспоминания. А вот троичин цвет, это для дум...

Дама заглянула в широко раскрытые пустые глаза Офелии и поежилась, а Алиса повернулась в другую сторону, где с насторожившимися охранниками сидел губернатор.

– Вот маргаритки, – кротким и каким-то потусторонним голосом объявила Алиса и протянула губернатору оторванные от стеблей цветы. Охранник настороженно пошевелил ушами, нервно дернулся и протянул руку, но Алиса высыпала цветы на пол. – Я бы подарила вам фиалок, но все они увяли, когда умер мой отец... Говорят, он умер хорошо...

Алиса замолчала и, пошатываясь, побрела прочь. Дойдя до середины зала, Алиса повернула назад, чувствуя, что ее время на исходе и монолог вот-вот закончится. Тишина, воцарившаяся в зале, была оглушительной. Шалаев нервно скрипел зубами за кулисами. Поднимаясь по ступенькам на сцену, Алиса наступила ногой на пеньюар и рухнула. Зал дружно охнул. Алиса поднялась и со странным лицом и совершенно пустым взглядом произнесла последнюю фразу.

Ей удалось уйти за кулисы не хромя, хотя ушибленная нога жутко болела. В третьем действии Алиса была уже не нужна. Она наблюдала из-за кулисы, как дело медленно, но верно катится по накатанным рельсам. Правда, Шалаев, сбитый с толку выходкой Алисы, в своем монологе назвал Йорика Юриком, но этого почти никто не заметил. Только Женька нервно хихикнула, да раскатисто рассмеялся импозантный мужчина, сидевший рядом с губернатором. Мать, отравившись напитком для Гамлета, слегка переигрывала в своих корчах, но в целом не сказать, что действия было отвратным. Гамлет вяло рубился с Лаэртом на дуэли. Алиса почувствовала жгучее желание выйти и помочь им порубить друг друга в мелкую капусту, однако Шалаев, уязвленный тем, что какая-то пигалица вызвала такой ажиотаж, затягивал сцену. Умирал раненый отравленным клинком Шалаев столь неестественно, что желание добить его в милосердных целях появилось не только у Алисы.

– Ну, мать, ты сильна! – восторгалась восхищенная Женька, помогая Алисе облачиться в ее увенчанный бисером наряд. – Это же надо было так сыграть... Я прямо прослезилась, когда ты руки на себя наложила. А уж когда ты в зале губернатору в морду стала цветы швырять, я вообще офигела.

– Я губернатору в лицо цветы швыряла? – удивилась Алиса.

– Ну, ему в морду ты не попала, все принял на себя тут мужик, что вручил тебе этого монстра, – Женька кивнула на огромный букет роз, – но впечатление ты произвела колоссальное. Да и маменька твоя была совсем не плоха.

Алиса улыбнулась. Она совершенно не помнила, как выходила на поклон, как звучали аплодисменты, как ей вручали цветы. Шалаеву, кстати, в этот раз досталось всего три чахлах гвоздички. Алиса же уволокла за кулисы охапку роз. Даже ее маме перепало больше славы, чем заслуженному артисту Шалаеву.

– Вот будет смешно, если на следующем спектакле Шалаева повторит твой финт, – хихикнула Женька.

– Думаешь, больше играть Офелию мне не светит? – спросила Алиса.

– Честно сказать, вряд ли. Такого успеха тебе не простят, особенно эти старухи. Но я бы на это посмотрела...

Женька оказалась права. Сразу после премьеры Шалаева, сидевшая на спектакле под плотной вуалью, вернулась на сцену и действительно попыталась выйти в зал, но престарелая Офелия, неуклюже спускавшаяся по ступенькам, вызвала в зале нервные смешки. Но это случилось уже после приема.

Шалаеву все-таки удалось оттянуть на себя часть славы. Он разглагольствовал о новаторстве, о том, что именно ему в голову пришел этот поход в зал безумной Офелии, но, представляя Алису губернатору, он так стиснул ее плечо, что она сжала зубы от боли и что было силы наступила ему каблуком на ногу.

– Ох, простите, я такая неловкая, – сконфуженно извинилась она и отошла в сторону. Шалаев проводил ее злобным взглядом. Алиса отошла к столику с шампанским и закусками, которые уничтожались актерами, словно те были голодной саранчой.

– Держи, – сказала Женька и сунула Алисе бокал с шампанским. – Икру уже сожрали, так что зря ты там любезничала с ними. Я, правда, тебе пару бутербродов заховала. Чего этот хрен престарелый на тебя так посмотрел, как бомж на лебедя?

– Я ему ногу отдала, – ответила Алиса, – а он мне синяк поставил, кажется...

– Но все было сделано невероятно изящно, – вмешался в разговор мужской голос. Алиса и Женя обернулись, причем Женька сразу расплылась в улыбке, и сделала попытку присесть в реверансе.

– Ах, это вы... – прошепелявила она.

– Ах, это я, – улыбнулся мужчина.

– А это моя подруга Алиса, – произнесла Женька и подтолкнула Алису к мужчине поближе. – Она играла Офелию.

– Да, я помню, – кивнул мужчина. Женька подтолкнула Алису еще ближе и зашипела в ухо: – Улыбайся, дура, это же Мержинский!

Алиса припомнила, что так зовут спонсора, и радостно улыбнулась. Она смутно припомнила, что именно этот высокий, импозантный мужчина и вручил ей шикарный букет роз.

– Очень рада знакомству, – пропела она весьма любезным тоном. – Такая честь познакомиться с известным меценатом...

То ли Алиса еще не отошла от роли, то ли ей на минутку захотелось сбить спесь с этого лоснящегося богатством мужика, но в ее голосе прозвучала ирония. Женька посмотрела на подругу с неудовольствием.

– Вы не обращайте на нее внимания, – затараторила она. – Это ей после Офелии башенку скособоило. А так она вполне смиренная и адекватная.

– Заткнись, – прошипела Алиса сквозь зубы. Мержинский рассмеялся. Это был гогот довольного жизнью человека. Женька припомнила, что именно он разделил ее настроение, когда Шалаев назвал Йорика Юриком. Шалаев, точно услышав ее мысли, подскочил к ним.

– Ах, Владимир Леонидович, какая честь для нас... какая честь... Мы так рады вашему присутствию... – тараторя эти бессмысленные фразы, Шалаев делал попытки оттеснить Алису костлявым бедром.

– Я тоже очень рад, – усмехнулся Мержинский. – всегда приятно посмотреть, во что ты вкладываешь деньги.

– Да, да, вы правы, – трещал Шалаев. – Ведь служение искусству не терпит суеты, а мы все люди смертные...

– Это вы к чему? – спросил Мержинский. Шалаев, беспардонно перебитый, разгоряченный выпитым, замахал руками, как ветряная мельница.

– Только тонко чувствующий человек может поддержать искусство в трудную минуту, – заключил Шалаев. – Нашу страну всегда отличали щедроты знатных и богатых людей. Вот, к примеру, Шереметьевы...

– Простите, Алиса, а из чего сделан ваш наряд? – внезапно осведомился Мержинский, отстранив Шалаева, словно марионетку. Беседовать о Шереметьевых его явно не вдохновляло.

– Это бисер, – любезно ответила Алиса. – Камни – аметисты, а вот это, – Алиса ткнула пальцем в ожерелье, с которого свисал кулон, – это чароит.

– Волшебное название, – улыбнулся Мержинский, и Алиса подумала, что улыбка у него добрая.

– Это, между прочим, она сама делала, – влезла Женька. Алиса зыркнула на нее, но той было уже море по колено.

– Так вы еще и рукодельница? – улыбнулась Мержинский еще шире. Алиса скромно потупила взор, надеясь, что ей удалось покраснеть. Женька же решительно схватила Мержинского за рукав.

– Владимир, вы не находите, что здесь довольно душно?

– Нахожу, – кивнул он. – Да и бутерброды все съедены. Предлагаю поехать в ресторан, отметить ваш дебют. Вы согласны, Алиса?

– Я согласна на все сто, – влезла Женька. Шалаев придвинулся ближе и открыл рот, но энергичная Женька легко задвинула его в угол. – Алис, поехали. Здесь и правда уже делать нечего. Мама твоя уже уехала, даже цветы увезла... а отдыхать еще рано. Я бы повеселилась.

Алиса криво усмехнулась и пожала плечами.

– Вот и отлично, – обрадовался Мержинский и повел обеих девушек к выходу. Алиса сделала Женьке страшные глаза, но та только оттопырила вверх большие пальцы на руках.

– Ты чего затеяла? – тихо спросила Алиса в машине. Мержинский сидел впереди и вроде бы шепота подруг не слышал.

– Дура, ты что, не видишь, он на тебя запал, – шипела Женька. – Пользуйся моментом, пока тебе судьба улыбается. Это тебе не с Лешкой на дискотеке обжиматься.

– Девушки, вы там не обо мне разговариваете? – осведомился Мержинский.

– Нет, мы о своем, о девичьем, – ответила Женька. – Вот, обсуждаем, какую кухню мы предпочитаем в это время суток.

– И к чему вы пришли?

– Ну, раз датской кухни в городе нет, поедим европейской, – заключила разумная Женька. Мержинский рассмеялся и велел шоферу ехать в ресторан с европейской кухней.

Пребывавшая в каком-то ступоре Алиса плохо запомнила этот вечер. Она что-то жевала, что-то послушно пила постоянно подливающего в ее бокал Мержинского, улыбалась шуткам Женьки и сама что-то говорила, но все проносилось как в тумане. Она не заметила, как куда-то пропала Женька, как она сама кружилась в томном танце в объятиях Мержинского и отвечала на его поцелуи в машине. Потом был жар и безумие ночи, с ароматом цветов, крепкого мужского парфюма и горячего пота. Алиса впервые в жизни не ощущала своего тела, не принадлежащего ей в эти минуты, слагавшиеся в часы. Ночь плыла перед ее глазами, огни настольных ламп прыгали в неистовом ритме так, что Алиса боялась открыть глаза. А рядом, на ней, сверху, сбоку, сзади был кто-то большой, горячий и обжигающе страстный, как черный кофе с ирландскими сливками, как матадор перед решающим выходом, как песчаная буря... Кто-то сильный и огромный, как мир, подчинивший ее себе без всякого сожаления, заставивший согнуться побегом ивы и полностью отдаться могучим порывам. Кажется, она слышала стоны, и, кажется не только свои. А потом все светляки мира брызнули из-под ее ног вверх фейерверком, чтобы через мгновение рухнуть вниз и погаснуть навсегда.

Алиса проснулась рано от грохота, невероятного неудобства и головной боли. Грохотало что-то совсем рядом, прямо над ее ухом. А еще оно дышало жаром в шею и тяжело покоилось на ее руке. Алиса открыла глаза и поморщилась. Что-то кололо ей спину, словно она лежала на простынях, полных засохших хлебных крошек. Не выключенный ночник бил резким светом прямо в глаза. Грохот не прекращался. Алиса тихо застонала и повернула голову в другую сторону.

Рядом с ней в огромной, какой-то космической кровати лежал мужчина и оглушительно храпел. Алиса потрясла головой и пристально уставилась в помятое лицо мужчины, и оно показалось ей знакомым. Залысины, ежик русых, местами подернутых сединой волос, пухлые губы... Где-то совсем недавно она видела это лицо, по детски трогательно пускающего слюни на подушку.

Алиса осторожно потянула руку на себя. Мужчина пошевелился, что-то невнятно пробормотал и сграбастал свободной рукой Алису, прижав ее к себе. Алиса слабо пискнула и

замерла. Мужчина прижался небритой щекой к ее спине, удовлетворенно вздохнул и снова засопел.

Бок что-то немилосердно кололо. Алиса сунула руку под одеяло и попыталась стряхнуть налипшие на простыни крошки. После ее нервных движений на пол с сухим шелестом посыпалось что-то мелкое. Алиса зацепила кончиками пальцев пару крошек и глухо простонала, когда увидела в своих руках сиреневый бисер.

– Кердык накидке, – констатировала она, не пытаясь понизить голос. От этого звука мужчина пошевелился и, выпустив ее из своих жарких объятий, повернулся на другой бок. Алиса немедленно воспользовалась этим и выскользнула из-под одеяла. На ней не было ничего, кроме ожерелья из аметистов и чароита, чудом не пострадавшего в любовной горячке. Девушка на цыпочках, не обращая внимания на впивающийся в ступни бисер, собрала разбросанное по комнате белье и одежду. Найти сумочку было сложнее. Бисерная накидка валялась на полу, и ее состояние было плачевным. Алиса сложила накидку в сумку, как могла, собрала пригоршни бисера и аметистов с пола и осторожно пошла к дверям. Мерджинский спал. Уже выходя, Алиса бросила на его лицо последний взгляд, и ей стало смешно. Было в этом лице что-то трогательное и незащитное, несмотря на его абсолютную мужественность.

За дверью оказалась лестница, ведущая на первый этаж. Прямо у последней ступеньки на спине, задрав лапы вверх, спал ротвейлер, пускающий точно такие же слюни, как и его хозяин. Алиса нерешительно остановилась. Собак она не боялась, но ротвейлер – это все-таки не болонка, от которой можно отмахнуться. Алиса нерешительно пошла вниз, приготовившись влететь в спальню при первом же рыке собаки, но пес, проснувшийся от ее легких шагов, только посмотрел на нее осоловелым взглядом и горестно вздохнул.

– Хорошая собачка, – проговорила Алиса, нащупывая рукой дверную ручку. Та подавалась легко, и Алиса оказалась во дворе дома. Вокруг было тихо, только просыпавшиеся птицы начинали весело приветствовать новый день. У ворот стоял громадный как танк «Линкольн» серебристого цвета, на котором они, судя по всему, сюда и приехали. Ворота были закрыты и открывались, видимо, с пульта. Алиса неприлично выругалась, но тут же увидела дверь, закрытую на обычный засов. Его удалось открыть без труда.

Захлопнул за собой дверь, Алиса огляделась по сторонам, стараясь понять, где это она находится. Попытки пространственного ориентирования ни к чему не привели. Название улицы ей ни о чем не говорило. Вокруг словно близнецы стояли горделивые особняки, с наглухо закрытыми воротами. Алиса прищурилась и уставилась на исчезающую впереди дорогу. Там уже начинал греметь просыпающийся город. Алиса вздохнула и полезла в сумку. Мобильный был на месте, кошелек тоже, но денег в нем было кот наплакал. Алиса позвонила Женьке и выслушала отчужденно вежливый голос оператора, что подруга находится вне зоны сети.

– В гробу бы я видала такие приключения, – вздохнула Алиса и, звонко цокая каблуками, пошла по асфальту. Энтузиазм улетучился после первого же дорожного указателя, гласившего, что до города ей необходимо будет пройти четыре километра. Для Алисы, привыкшей бегать по утрам, это не было таким уж большим расстоянием, но идти в туфлях на высоких каблуках было тяжело. Но делать было нечего. Алиса пошла вперед, чувствуя себя невероятно несчастной. Позади отчетливо слышался шум мотора. Алиса отошла на обочину и махнула рукой, запоздало подумав, что наверняка выглядит как чучело и жители местных домов ни за что не подберут ее. Черный джип пролетел мимо нее. Алиса опустила руку, но машина вдруг затормозила и задним ходом подобралась к ней. Темное стекло поползло вниз.

– Проблемы, красавица? – донесся из темной пещеры салона веселый мужской голос.

– Мне бы в город, – заискивающе попросила Алиса. – На работу к девяти, а тут такая оказия...

Алиса беспомощно похлопала ресницами и развела руками, словно приглашая оценить ее ущерб. Мужчина в салоне, видимо так и сделал и увиденным остался доволен. Дверца призывно открылась, и Алиса впорхнула внутрь.

– Ой, спасибо, – обрадовано прощбетала она, надеясь, что выглядит полной идиоткой, – а то я думала мне пешком придется идти.

– Чего ж не отвез никто? – рассудительно осведомился мужчина. Алиса застенчиво улыбнулась, не преминув разглядеть мужчину с ног до головы.

– Так спят все, – кротко ответила она, прикидывая, долго ли ей удастся прикидываться круглой душой. Главное до города добраться, а там можно и на троллейбус пересест... Мужчина хохотнул и рванул с места так, что Алису вдавило в спинку кресла.

– Как зовут красивую девушку? – весело осведомился он.

– Алиса.

– О, как! – восторженно причмокнул мужчина, – Алиса из Страны чудес. И где ты трудишься?

– В театре, – хлопнула ресницами Алиса.

– Актриса что ли?

– Актриса.

Мужчина улыбнулся и покачал головой.

– Актрис я еще ни разу..., – начал он, но потом осекся и добавил чуть более смущенно, – не подвозил. А меня Михаилом зовут.

Всю дорогу Михаил болтал как заведенный. Он сообщил, что у него свой бизнес, прозрачно намекнул, что собирается разводиться, нахально выпросил у Алисы телефон и притормозил неподалеку от ее дома.

– Ну, пока, красивая, – оскалился он на прощание, – жди в гости. Тортик пеки. Приеду свататься.

– Не сильна я в кулинарии, – усмехнулась Алиса, с которой как только она вышла из машины слетела шелуха всеобщей недоразвитости. Михаил эту перемену заметил, и уголок его рта резко дернулся вверх.

– Эх, лиса Алиса, – усмехнулся он, но на этот раз его усмешка была ехидной, а яд так и капал с небритой физиономии, – сколько же мужиков ты вокруг пальца обвела? Телефончик то хоть верный?

– Проверь, – предложила Алиса. Михаил набрал на своем телефоне номер, и тут же мобильный весело зачирикал в сумочке Алисы.

– Верный, – кивнул Михаил. – И на том спасибо. Ладно, бывай, лиса Алиса, тортик я сам прикуплю на всякий случай. Чай-то хоть заваривать умеешь? Или мне в пакетиках купить?

– Умею, – ответила Алиса и потянула на себя тяжелую дверь подъезда. – Спасибо, что подвез.

Михаил что-то хотел ответить, но Алиса уже скрылась в темном чреве подъезда. Через пыльное окно она увидела, как отъезжает черный джип. Алиса рассмеялась и побежала к себе на второй этаж.

Мать уже не спала и пребывала в состоянии радостного возбуждения. Она даже приготовила завтрак. Алиса с удивлением и легкой брезгливостью осмотрела стол с подсохшим сыром, сырокопченой колбасой, порезанными на ломтики апельсинами, почерневшими дольками яблок и пригоршней шоколадных конфет в треснутой хрустальной вазочке, оставшейся еще от семейной жизни с отцом. Алиса прекрасно понимала, что все эти продукты остались от вчерашнего пиршества в театре. Очевидно мать, улизувшая с середины при-

ема, ухитрилась взять гуманитарную помощь на дом. Венчала это варварское великолепие початая бутылка вина.

– Доченька, это был наш триумф, – всплеснула она руками. – Теперь дорога на сцену для нас открыта! Боже, как нам аплодировали! Сам губернатор вручал мне цветы! Теперь для меня начнется новая жизнь!

Алиса устало скинула туфли с ног и нащупала старые стоптанные тапки. Мать в состоянии полной экзальтации высилась над ней, как Пизанская башня.

– Меня фотографировал сам Коротков, – продолжала мать, – это значит, что мои фото появятся на страницах всех газет...

Алиса не прерывала щебетания матери, шагая по квартире в свою комнату. Там на письменном столе, в стеклянной банке красовался букет роз, подаренный Мержинским. Это яркое пятно сразу выделялось на фоне общей нищеты и серости. Алиса стянула с себя платье и бросила его на спинку стула.

– Алисочка, а где твоя накидка? – вдруг всполошилась мать. – Я хотела одолжить ее у тебя на следующий прием...

– Порвала, – раздосадовано ответила Алиса. – Зацепила где-то и не заметила. Кранты накидке... Вон, в сумочке собрала, что нашла. Жалко...

– Жалко..., – эхом повторила мать, но тут же расцвела в улыбке. – Пойдем, покушаем? Там, правда бутербродики еще были с икрой, но я их съела, ты уж прости... Я уже сто лет икры не ела.

– Да на здоровье, мама, – отмахнулась Алиса. – Я и не голодна. Может быть, ты мне принесешь сюда чаю? Я так устала...

– Конечно, конечно, деточка... – засуетилась мать и убежала на кухню. Вскоре оттуда донесся грохот передвигаемой посуды. Алиса рухнула на диванчик и вытащила из сумочки сотовый. Надо было найти Женьку.

– Алло, – послышался из трубки сонный голос подруги.

– Ты где, балбеска? – рассердилась Алиса. – Куда ты из кабака делаешь?

– Дома я, – сонно ответила Женька. – Я вчера мужика склеила, с ним и уехала. А ты как? Как наш меценат? Ты вообще где?

– Дома я, – ответила Алиса. – Раз уж ты все равно проснулась, – приходи. Тебе в салон к десяти?

– Да не поеду я никуда, – рассердилась Женька. – Какой на фиг салон, когда башка раскалывается? Переживут. Позвоню, отпрошусь. Ладно, чайник поставь, сейчас приду.

Женька прибежала, когда чайник уже вовсю свистел на плите. Мать, пребывающая во власти розовых грез, удалилась в ванную навести марафет. В ее мечтах она уже видела себя примой театра, исполняющей главные роли. А для нового имиджа городской примадонны необходимо было хорошо выглядеть. Убедив себя в необходимости полежать в горячей ванне, она ушла в ванную, забыв про чайник.

– Привет, – выдохнула Женька, влетая в квартиру. – Ты что, дома не ночевала?

– Не ночевала.

– А где ты была? – дергая Алису за руку, спросила Женька. Алиса закатила глаза и изобразила на лице блудливую улыбку. – Ну, не томи ты, леди Макбет! У Мержинского была?

– Была, – томно протянула Алиса. – Прямо в его доме.

– И как?

Алиса вместо ответа потянулась как кошка и пододвинула Женьке вазочку с конфетами. Но Женька даже не обратила на это внимания.

– Ты долго меня мучить будешь? – жалобно произнесла она. – Произвел впечатление?

– Произвел, – кивнула Алиса. – Боже, какой у него дом...

– Да ну тебя вместе с домом! – отмахнулась Женька. – В этих делах то он как?

Алиса пожала плечами, изобразив на лице невозмутимость опытной куртизанки, но потом рассмеялась.

– Скажу я тебе, это не с Лешкой обжиматься, – доверительно произнесла она, и в этот самый момент зазвонил телефон.

– Неужели он? – всполошилась Женька, но Алиса, взглянув на номер, отрицательно покачала головой.

– Нет. Это Михаил.

– Какой Михаил? – удивилась Женька, но Алиса отмахнулась и поднесла телефон к уху.

– Привет, красивая, – слышался в трубке веселый голос, – Как жизнь молодая? Ты уже штудируешь кулинарную книгу?

– Учю наизусть, – пропела Алиса в трубку. – Перешла к китайской кулинарии. Как ты относишься к жареным червячкам?

– Да нам, казакам, нипочем, что бутылка с сургучом, – загоготал Михаил. – Чем вечером занята?

– У меня спектакль... наверное, – произнесла Алиса, слегка заколебавшись.

– Наверное?

– Ну да. Я во втором составе, так что не знаю, кто сегодня играет...

– А после спектакля?

– После спектакля я свободна, – сказала Алиса, поглядев на Женьку. Та вытаращив глаза наблюдала за подругой. – Кажется, свободна.

– О'кейно. Тогда я за тобой заеду. Прошвырнемся по городу, сходим в ресторан. Ты в какой хочешь?

– Да я не привередлива, – ядовито произнесла Алиса, – мне что ресторан, что чебуречная...

– Ну, надо же, – восхитился собеседник. – Впервые девушка соглашается на чебуречную. Короче я за тобой заеду. Номер квартиры какой?

– А ты посигналь, я и выйду. А то меня матушка в строгости воспитывала, может и не одобрить нашего знакомства. Лишат меня тогда приданного, а имя мое анафеме предадут. И тогда мне одна дорога – в монастырь на постриг.

– Смешная ты, лиса Алиса, – захохотал в трубке Михаил, – впрочем, про актеров говорят, что вы все чокнутые.

– Наговариваете вы на нас, грех это, – скорбным голосом протянула Алиса. Михаил хихикнул.

– Во сколько спектакль заканчивается? – спросил он.

– В девять.

– Хорошо, заеду прямо после спектакля. Ну, пока, красивая!

Алиса нажала на кнопку отбоя и откинулась на подушку. Женька смотрела на нее, как голодная собака.

– Так и будешь сидеть? – не выдержала она. – Этого ты где успела склеить?

Алиса рассказала подробности знакомства с Михаилом. Женька слушала, затаив дыхание.

– Ну, мать, ты сильна, – восхищенно произнесла она. – А ведь кто тебя, дуру, на путь истинный направлял? Я же тебе говорила, что как только ты перестанешь играть старшего поросенка, сразу же масть поперет. Стоило один раз сыграть Офелию, и тут же двух мужиков склеила. Что дальше будет?

– Думаю, что такими темпами мне грозит слава Таис Афинской, – произнесла Алиса.

– А чем она была знаменита? – заинтересовалась Женька, – хотя, я кажется, догадываюсь...

– Гетера она была, – ответила Алиса. Женька удовлетворенно кивнула.

– Вот и я говорю. Будешь ты как Клеопатра! Как там было... «Ценою жизни проведешь ты одну ночь со мной!»

– Угу. Ну, или две... Я вот про сегодняшний спектакль думаю.

– Чего ты там думаешь? – не поняла Женька.

– Сегодня-то кто Офелию играть будет.

– Думаешь, не ты?

– Думаю, что второй раз Шалаевы меня на сцену не выпустят.

– Хороша будет Офелия без зубов, – фыркнула Женька. Алиса представила эту картину и рассмеялась. Вслед за ней захохотала Женька.

Однако Алиса оказалась права. Ошеломленная успехом Алисы Шалаева пришла на репетицию и с такой ненавистью посмотрела на нее, что Алиса поежилась. Естественно, играть Офелию в спектакле ей не пришлось. Недолгий триумф матери тоже был погашен. Присутствовавшая на премьере Костюкова, тоже явилась в театр с тщательно запудренными царापинами. По театру в день премьеры поползли нехорошие шепотки, что мол, что это за заслуженные артистки, которых может легко заменить начинающая старлетка и, что еще хуже, обычная билетерша. Это значит, что они постарели, что они никому не нужны и им пора на заслуженный отдых. А может быть и не было у них никакого таланта? Конечно, на долю Алисы и ее мамы тоже досталось масса слухов и сплетен. Никому на тот момент не было дела, что заменить Шалаеву и Костюкову им пришлось скорее по необходимости. Но Шалаева и Костюкова пострадали сильнее, возненавидев Алису.

На сцену Алиса вышла в своей привычной ипостаси – бессловесной служанки королевы. На душе было гадко. Для этой роли не нужна была концентрация, оттого Алиса то глядела в зал, то с ядовитой усмешкой наблюдала, как престарелая Офелия старается спуститься по ступенькам в зал. Неуклюжие попытки Шалаевой повторить вчерашний финт Алисы ни к чему хорошему не привели. Офелия подслеповато шурилась и до неприличия затянула паузу. Зал недовольно молчал, а потом откуда-то с задних рядов послышался свист. Офелия тут же повернула обратно, сбилась с монолога и понесла чушь, под которую королева, по роли тяжело переживающая безумие несостоявшейся невесты сына, мерзко хихикала и пропустила свою реплику. Костюкова явно наслаждалась беспомощностью своей вечной соперницы, которая все свои реплики вынуждена была подавать, не раскрывая толком рот. Отсутствие переднего зуба сильно бросалось в глаза.

Алиса первой переоделась после спектакля. После смерти королевы ее присутствие на сцене было не нужно. И если прежде она выходила к публике на поклон, то сейчас на душе было настолько гадко, что находится там хотя бы минуту, было равносильно пытке. Мешать Алисе переодеваться было некому. Вторая актриса, делившая с ней гримерку и игравшая такую же бессловесную служанку, все еще торчала за кулисами, ожидая момента, когда можно будет выйти на поклон. Алиса натянула джинсы, поправила блузку и, не попрощавшись, покинула театр через служебный вход, напрочь забыв, что ее должен ожидать Михаил. И только когда она пробрела мимо джипа, резкий сигнал заставил ее подпрыгнуть и повернуть голову.

– Ну, ты вообще, – возмутился вышедший из машины Михаил. – Ору ей, ору, а она не слышит. Привет. Чего такая кислая?

– Да так, – неопределенно пожала плечами Алиса. – Настроение неважное.

– Как спектакль?

– Так себе. Сегодня я не блистала...

– Чего ж так? – удивился Михаил.

– Да вот так... Не пришлось мне сегодня блеснуть.

– Ага, бывает такое. Ну, так как насчет чебуречной?

Алиса пожала плечами. Михаил галантно открыл ей дверь своего джипа, куда Алиса постаралась вскарабкаться с возможной элегантностью. Получалось плохо. Дверца была высоко, пришлось задирать ногу как в поезде, при попытке влезть на верхнюю полку. Михаил наблюдал за этим с нескрываемым удовольствием и даже рвался поддержать Алису за выдающуюся часть организма, но она все-таки взгромоздилась в джип и устроилась внутри с максимальным комфортом.

Насчет чебуречной Михаил, конечно, сильно загнул. Он привез Алису в тот же ресторан, где вчера она развлекалась с Мержинским и Женькой. Так что особого эффекта произвести не смог, за то сам вытаращил глаза, когда Алиса, не заглядывая в меню, заказала фирменный коктейль с невероятно сложным названием. Официант оглядел скромный наряд Алисы, костюм Михаила, понимающе хмыкнул и удалился. Алиса же сидела с постным видом, на шутки реагировала вяло и неподвижным взглядом смотрела в тарелку, где лежала тушка форели. После долгих попыток разговорить Алису, Михаил, сконфуженный затянувшейся паузой, замолчал и даже не сделал попытки поцеловать ее в машине, когда вез домой.

Дома Алису ждала мама и взволнованная Женька. Обе выглядели на редкость глупо и обеих явно переполняли какие-то чувства.

– Алис, ты где была? – встревожено прошептала Женька, – тут такое...

– Какое? – устало спросила Алиса. Настроение было отвратительным. Ужин в дорогом ресторане не только не помог, но и ухудшил ее настроение. Сытый и глянцевого, как новенький «Порше» Михаил вызвал у Алисы злость и раздражение. Почему вот так несправедлива жизнь? Алиса села на табурет, вытянув ноги, не удосужившись даже снять старенькие туфли. Ничего страшного даже если она натопчет, хотя какая там грязь? Лето на дворе. А пыль можно быстренько замыть...

Мать быстро под села рядом. Женька подперла косяк и уставилась на Алису своими лисьими глазками.

– Алисочка, – возбужденно зашептала мать, – там... скандал...

– Где? – раздраженно осведомилась Алиса.

– В театре. Мы тебя всей группой искали. Ты почему не предупредила, что уходишь?

– Господи, да кому я там на фиг нужна? – фыркнула Алиса. – Неужели «кушать подано» некому было сказать?

Мать придвинула табуретку поближе и изобразила на лице таинственность. Это Алисе уже не понравилось. Женька, видимо, уже слышала эту историю, поскольку на ее лице было такое же лихорадочное возбуждение.

По какой-то непонятной причине в зале снова был Мержинский. Он приехал уже после начала второго акта, пробрался в ложу, вызвав у директора театра Лошаковой едва ли не сердечный приступ своим появлением. Сопровождал Мержинского не то его секретарь, не то телохранитель, который волок корзину с розами. Лошакова пребывала в нервном трепете и все порывалась предупредить актерскую труппу, что в зале главный спонсор, которого ни коим образом сегодня не ждали. Однако до антракта уйти было неудобно. Шалаевы узнали об этом уже слишком поздно, Алиса же вообще пропустила мимо внимания внезапную суету за кулисами. Мержинский нервно барабанил по перилам балкона пальцами, мрачно глядел на сцену и поджал губы с гримасой полного неудовольствия, когда престарелая Офелия карабкалась по ступенькам, швыряя в зрителей искусственные цветы. Зрители фыркали и недовольно переглядывались. Странно, но ни Алиса, ни Мержинский друг друга не увидели. Ложа находилась слева от сцены, а Алиса стояла справа, скрытая от мецената бутафорской колонной. Ее роль не была чересчур уж подвижной.

Спонсор честно досидел спектакль до конца, хотя несколько раз куда-то звонил, обращаясь к застывшему как сфинкс телохранителю, да и вообще всем своим видом показывал, как он недоволен спектаклем. Лошакова сидела ни жива, ни мертва. Когда артисты вышли

на поклон, Мержинский встал и вышел из ложи, оставив там букет. Лошакова перепугалась еще больше и вылетела вслед за ним с корзиной, чуть не сбив с ног маму Алисы.

Скандал разыгрался сразу же, в кабинете директора, куда и направился тяжелой поступью Мержинский. Лошакова бежала за ним, прошипев, чтобы чета Шалаевых, Костюкова и еще пара артистов, игравших Лаэрта и короля-призрака, пришли к ней в кабинет. Лошаковой было страшно. Отдуться одной за актерские проколы ей явно не хотелось. В кабинете Мержинский без спроса уселся в директорское кресло, закурил и выпустил в воздух дымное кольцо. Лошакова молчала, робко усевшись на стульчик. Вбежавшие артисты столпились в дверях. Шалаев правда успел что-то промямлить об оказанной им высокой чести, но после мрачного взгляда Мержинского стушевался и замолчал. Меценат тоже не проговорил ни слова. Тишина была тяжелой и вязкой, как стухнувший в жару пудинг.

– Вот это я прочитал в сегодняшней газете, – негромко произнес Мержинский и швырнул на стол местный еженедельник. – Премьера «Гамлета», блистательная игра актеров, необычное решение режиссера... Сплошные восклицательные знаки и восторги. Что я вижу на фото? Офелию. Некую... Алису Филиппову, которая, если я не ошибаюсь, блистательно исполнила вчера эту роль.

– Но... – начала Шалаева, но поперхнулась и замолчала.

– Итак, что я вижу сегодня? – осведомился Мержинский. – А я вижу даму преклонных лет, которая корчит из себя девчонку. Где, простите, вчерашняя нестандартная режиссура? Или нестандартность вы видите в том, что нимфеток у вас играют ископаемые?

– Как вы смеете говорить такое о моей жене! – взвизгнул Шалаев. – Она – заслуженная артистка и я не позволю... В храме Мельпомены... да мы...

Костюкова, которой явно понравилось, что ее заклятую соперницу назвали ископаемым, нервно хихикнула. Шалаев сбился, чем немедленно воспользовался Мержинский.

– Театр, помимо храма Мельпомены, как изволил выразиться Петр Демьянович, еще и коммерческое предприятие, если вы не в курсе. И я в это предприятие вложил свои средства, не особенно надеясь на их возврат... так, знаете ли, в качестве бескорыстной помощи. Однако это не значит, что я готов поощрять глупость и швырять деньги в крысиную нору. Я Шекспира читал в семилетнем возрасте и, хотя с той поры книги его в руки не брал, отчетливо помню, что Офелия – юная девушка со сложной судьбой. Юная, а отнюдь не женщина в годах. Да и Гамлет тоже не должен быть старше собственных родителей. А что у вас?

Мержинскому не ответили, да он, похоже, ответа и не ждал.

– У вас откровенная глупость, на которую я потратил деньги. Где девушка, которая вчера играла Офелию?

– Сейчас, сейчас Владимир Леонидович, мы ее немедленно найдем, – засуетилась Лошакова и шепнула перепуганному «Лаэрту», – быстро, из под земли ее достань!

«Лаэрт» скрылся. Алису долго искали по всему театру, но так и не нашли. Вахтер вспомнила, что Алиса прошмыгнула мимо нее в самом конце третьего отделения. Мержинский терпеливо ждал, потом злобно сжал губы и вышел прочь. Вслед за ним тенью скользнул охранник.

– Нет, каков наглец, – дрожащим голосом проскрипел Шалаев. – Он что же, считает, что мы будем давать главные роли какой-то пигалице? Да она в театре без году неделя!

Старая гвардия согласно закивала головами. Сгорбившаяся Лошакова тупо смотрела в полированную крышку стола.

– Можно подумать, что его деньги делают его знатоком искусства, – ядовито фыркнула Шалаева. – Плебей! Что он понимает в настоящем театре?

Шалаева победоносно подняла подбородок. Старая гвардия кивала, как китайские болванчики. Тень отца Гамлета робко предложила сбегать за коньячком, что поддержали большинство голосов. Молчала только Лошакова, грузно поднимавшаяся с уголка стула, на котором

сидела, и медленно направившаяся к своему креслу. Тень отца Гамлета приволокла бутылки, стаканчики и на этом успокоилась. Привыкшие ко всему лицедеи споро разлили коньяк по стаканчикам, быстренько опрокинули в себя содержимое, крикнули и сморщились. Костюкова сняла с головы парик с траурной фатой и занюхала им коньяк. Шалаева после выпитого даже не поморщилась, как впрочем, и актеры мужчины. Лошакова пила коньяк медленно, как ледяную воду, и глаза ее становились все страшнее и страшнее. Первая бутылка опустела быстро. Лошакова пила вместе со всеми, хотя потом долго удивлялась, почему она вообще позволила себе такой неподобающий служебному положению поступок.

Вторую бутылку заедали порезанным на газете сырком и копченой колбасой. Шалаева, которой доверили порубить продукты на равные части, вдруг злобно рассмеялась и ткнула ножом в фотографию Алисы, которая получилась более чем миловидной.

– Офелию ей отдать... Ишь чего захотел, спонсор хренов. Чего вы думаете, он ее на главную роль двигает? Да спит он с ней, с потаскушкой мелкой! Они с приема вместе ушли... Офелию ей... А вот это ты видел?

Шалаева скрутила дулю и начала тыкать ею во все стороны, не очень следя за ориентиром. Дуля уткнулась прямо в лицо Лошаковой, которую это видение и вывело из состояния всеобщей заторможенности.

– Туалеты у нас текут, – безжизненным голосом произнесла она. – Ни к черту сантехника. В женском туалете опять трубу забило. Пластик надо ставить.

– Ой, и не говорите, – согласилась Шалаева. – Когда уже там все облагородят? Сил нет ждать. Без калош и не войти бывает...

– И окна надо пластиковые ставить, – с внезапно появившейся ядовитой ухмылкой добавила Лошакова. – Наши совсем ни к черту.

– Точно, – невнятно подтвердила тень отца Гамлета, забросив в рот кусок колбасы. – Приедет делегация с Москвы, а у нас тут сарай сараем... Крыша течет, вон, на занавесе даже разводы... И когда, Наталья Константиновна нам уже денег на все это дадут?

– Да уж, – важно сказал Шалаев. – Лето начинается, ремонт делать надо перед сезоном... Да и декорации новые нужны. Мы же на Булгакова замахнулись... «Мастер и Маргарита» это вам не «Репка». Здесь фантазия нужна... Главное на это нам сейчас денег взять...

Старая гвардия послушно закивала головами и потянулась к бутербродам, лежащим на истерзанной газете. И вдруг руки одновременно замерли. Лошакова со злобной усмешкой смотрела, как в их головы одновременно приходит та мысль, которая не давала покоя ей уже с полчаса.

– У Мержинского два магазина со строительными материалами, фирма по производству пластиковых окон, – спокойно констатировала она. – Я уже получила от него обещание помочь нашему театру с ремонтом. К тому же Мержинский очень любит Булгакова, и он хотел бы видеть его постановку в наших стенах. Он прежде никогда нам не отказывал...

Лошакова тоже знала про великую Джулию Ламберт и решила выдержать паузу. Эффект не заставил себя ждать. Шалаева выронила все, что держала в руках. Костюкова рухнула на стул и схватилась за сердце. Шалаев хватал воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. И только Лаэрт и тень отца Гамлета методично истребляли закуски.

– Наталья Константиновна, – робко произнес Шалаев, – неужели вы думаете, что...

– Думаю, – отрубил Лошакова. – Спонсора злить нельзя. Вы знаете, сколько денег нам выделено из городского бюджета в этом году?

Старая гвардия синхронно помотала головами, как стреноженные лошади, отгоняющие слепней и мошкар. Вид у них был напуганный и жалкий.

– А я вам скажу – гроши! – безжалостно заявила Лошакова. – Этих денег нам с трудом хватит на зарплату. Ни на декорации, ни на ремонт у нас денег нет. В этом году все средства, которые должны были достаться нам, ухнули на возведение монумента репрес-

сированным. А мы остались с носом. И только благодаря поддержке Мержинского, перед которым, заметьте, я только на брюхе не ползала, мы вполне прилично завершаем этот сезон «Гамлетом». Он человек культурный, начитанный... Но денег давать нам он не очень хотел.

Лошакова не женским движением отправила в рот содержимое своего стаканчика, закашлялась. Костюкова постучала ее по спине. Лошакова скривилась и отвела ее руку. Слезы злости выступили из ее свинцовых глаз.

– Думаете, мне легко было перед ним унижаться? – с отчаянием спросила она. – Вы что-то со мной не ходили, в ножки ему не кланялись... У него офис в старинном особняке, секретарша – бывшая первая городская красавица, машина... я такой и не видела больше ни у кого. Кто я для него была? Вошь на гребешке!

Костюкова сочувственно погладила Наталью Константиновну по руке. Та по-простецки смахнула рукой слезы, размазав тушь и темные тени, которыми она всегда подчеркивала свои глубокие глаза, смахивающие на отражающееся в озере грозное небо.

– Он ведь с первой секунды понял, что я у него денег пришла просить, – всхлипнула Лошакова, – и слова мне не сказал. Молчал... Кофе предложил... Я такой кофе только в Турции пила... Его эта блядь длинноногая мне принесла чашечку кофе, печенье... Чашечка из королевского фарфора, мать вашу за ногу... Я ее держать в руках боялась, она как паутинка невесомая была...

Лошакова закрыла глаза руками и разрыдалась. Артисты молчали. Истерика директора была такой же страшной, как голодные девятые годы, когда в театр не ходил народ, есть было нечего, а город, разоренный тогдашним мэром, стыл без отопления и электричества. В этот момент все ощутили состояние какой-то обреченной безысходности, словно их снова загнали в темные театральные углы, лишили воздуха, профессии, смысла жизни. Именно тогда рушилась семья маленькой девочки Алисы Филипповой, которую они теперь ненавидели сообща.

– Четыре раза к нему ... ходила... Плакала... Унижалась... – глухо, как из-под ватного одеяла выла Лошакова. – Мы три года не получаем финансирование... Жить то на что?.. Он нам аппаратуру купил, прожектора...

Лошакова уронила голову на стол, в скрещенные руки и завывала, по-волчьи, от тоски и боли, словно теряя свое дитя, к которому она привязалась всей душой, безжалостно вырванного из ее логова и увлеченного силком охотника. Никто не решался ничего сказать. Только тень отца Гамлета, неловко крикнув, разлил остаток коньяка по стаканчикам и робко подвинул один к плачущей директрисе.

Рыдания Лошаковой вдруг прекратились. Она резко подняла голову, всхлипнула еще несколько раз, вытащила из сумочки скомканный носовой платок и зеркало.

– О, господи, – воскликнула она, взглянув на свое отражение, и выскочила в коридор. Актеры с тревогой переглянулись. Никто даже не притронулся к своим стаканам, кроме тени отца Гамлета, которого отсутствие директора даже порадовало. Он мгновенно выпил свой коньяк и с сожалением посмотрел на сиротливо стоящие в углу пустые бутылки.

– Что-то мне это не нравится, – медленно произнесла Костюкова.

– А мне и подавно, – эхом ответила Шалаева. Ее супруг, нервно дергающий кадыком, сунул в рот кусок колбасы и, не морщась, запил коньяком.

Лошакова вернулась через полчаса, умытая, с красными и воспаленными глазами и с выражением непреклонной решимости на лице. В кабинет она не просто вошла, а ворвалась штормом, сметающим все на своем пути. Казалось, что ей сопутствует запах озона, как после молнии. Лошакова грузно уселась в кресло и оглядела присутствующих тяжелым взглядом.

– Значит так, дорогие мои. Офелию у нас будет играть Филиппова. Начиная с завтрашнего спектакля.

– Что?!! – возмутилась Шалаева и вскочила с места. – Офелию – Филиппова? А как же я?

– Филиппова, – решительно подтвердила Лошакова. – А вы ... Ну, скажем... королеву.

– Как – королеву? – подскочила Костюкова. – Это же моя роль!

– Ах ты, господи, да не знаю я, как! – воскликнула Лошакова. – Договоритесь между собой, играйте по очереди, не знаю... Делайте, что хотите, но Офелию до конца сезона будет играть Филиппова.

– Наташа... – безжизненным голосом произнесла Костюкова, – да что это такое твориться то?

– Да не рвите вы мне сердце! – заорала Лошакова. – Я сказала – Филиппова, значит так тому и быть. Она, кстати, неплохо играла. Ей, как артистке пора расти. Не век же ей Золушек играть на утренниках.

– А мы? – возмутилась Шалаева.

– А вы потерпите, – холодно произнесла Наталья Константиновна. – Мержинский, кстати, прав. Не может старуха играть эту роль.

– Так это я – старуха? – взвизгнула Шалаева.

– Все! – коротко отрубил Лошакова и хлопнула ладонью по столу так, что все вздрогнули. Оглядев лица присутствующих, она добавила чуть мягче. – Вы сами подумайте, нам любой ценой надо деньги от Мержинского получить. Ну, пусть Алиса до конца сезона побудет Офелией, что тут такого? А там видно будет, как она справляется... Начинать сезон мы будем другими пьесами, так что в обиде никто не останется. Найдите Алису, пусть она репетирует роль... Петр Демьянович, это я вам говорю...

Лошакова сдвинула брови и выразительно оглядела разложенный на ее столе пикник. Шалаева, гордо подняв голову, вышла из кабинета прочь, следом за ней рванула Костюкова. Тень отца Гамлета ретировалась следом за дамами, спешно убрав со стола газету с недоеденными бутербродами, пустыми стаканчиками и крошками. Последним из кабинета выходил Шалаев, бросивший на директора укоризненный взгляд, на который Лошакова не обратила никакого внимания. Все выходящие столь стремительно ретировались прочь, что не заметили неподвижную фигурку билетерши Филипповой, застывшей у дверей директорского кабинета.

В отличие от актеров, билетерша Ирина Филиппова сразу углядела все открывающиеся перед ней перспективы. Дочь, ставшая примой театра (а в этом Ирина не сомневалась) замолвит слово и за маму. Ирина не пропустила мимо ушей злобную реплику Шалаевой, что дочь спуталась с главным спонсором театра, и это заставляло столь радужные перспективы искривить всеми гранями, словно хрустальный графин.

– Ах, если бы они смогли пожениться! – сладострастно напевала Ирина, несясь домой вполношенной курицей. Бриллиантовый дым застилал глаза, стоптанные резиновые тапочки спадали с ног. Только бы непутевая дочь была дома...

Непутевой дочери дома не было. Ирина позвонила Женьке домой, потом на работу перепугав ее до такой степени, что Женька, с грехом пополам выполнив мелирование постоянной клиентки, понеслась к подруге со всех ног.

– Нашли из-за чего волноваться, – фыркнула Алиса. – Мне все равно дадут играть Офелию только до конца сезона, а это всего ничего. Ну, отыграю я еще три спектакля, а потом то что?

– Дура ты, прости господи, – оскорбилась Женька. – Тебе счастье прямо в руки в кои то веки упало, как зерно под рыло слепой курице... Дали нищему огурец, а он его в канаву выбросил – кривой видите ли... Твое дело сейчас спонсора не упустить. Вот если Мержинский от тебя откажется, тебя в театре поедом сожрут все, включая директрису. А так – респект и уважуха...

– А если не упущу – меня сожрут все, кроме директрисы, – парировала Алиса. – Невелика разница.

– Балда ты, – снисходительно протянула Женька. – Я, кстати, справки наводила. Мержинский в разводе и к постоянной любовнице вроде как охладел. А тут ты со своей неземной красотой, гламуром и пафосом. Вот зуб даю, он тебя завтра после репетиции будет встречать.

– Давай зуб, – протянула руку Алиса. Женька рассмеялась.

– Алисочка, а ведь Женечка права, – робко пискнула из своего угла мать. – Владимир Леонидович – человек солидный, и еще... не старый. Мне он кажется очень импозантным. Я даже тебе немного завидую. Ты уж... не отказывай ему сразу.

– Хорошо, я откажу ему постепенно, – пообещала Алиса. Женька сдвинула брови и погрозила Алисе кулаком.

– Я тебе откажу! Мы не можем ждать милости у мужчин, взять их у них наша задача.

– Слова Мичурина? – фыркнула Алиса.

– Нет, актрисы Васильевой, если ты не в курсе. Так, пошли в ванную, будем лепить из тебя романтическую героиню.

Алиса покорно пошла следом за подругой. Ей самой было интересно, чем закончится эта авантюра, столь бурно воровавшаяся в ее скучную жизнь. В ванной, сидя на табуретке, утыканная со всех сторон фольгой, словно космическая антенна, Алиса спросила у хлопотавшей вокруг нее Женьки.

– С чего ты взяла, что он охладел к своей любовнице?

– А? – не поняла Женька, вынырнув откуда-то из-под Алисиного подола.

– Бэ! Про любовницу ты откуда знаешь?

– Про чью?

Алиса выразительно закатила глаза вверх. Женька почесала затылок, на ее лице появилась искорка понимания.

– А, ты про Мержинского? Тоже мне, тайна! Она к нам в салон стричься ходит, укладки делает, маникюр, педикюр, все по высшему классу.

– К тебе что ли?

– Щассс... Ее Дарья сама стрижет. У мадам рот никогда не закрывается. Она каждым бриллиантом похвастается. Как-то приехала на новой тачке, Мержинский подарил... Только машиной она не долго гордилась. Я так поняла, что это был его прощальный подарок.

– Кто она такая хоть?

– Она? А, ну да, соперниц надо знать в лицо... Мадам Кочкина, глава городского отдела культуры.

– Жанна что ли? – недоуменно дернулась Алиса.

– Не дергайся... Жанна, Жанна... Слушай, давай мы тебе сзади в черный цвет волосы выкрасим?

– Не надо таких радикальных перемен. Какая я тогда буду на фиг Офелия?.. М-да... Жанна баба серьезная. И с нами она повязана. Представляю, что она сделает, чтобы меня с дороги убрать...

– А тебе то что? – удивилась Женька. – Если ты захомутаешь Мержинского, Жанка будет тебе глубоко до лампочки. Кстати, именно благодаря нему она так высоко взлетела. Будешь держать руку на пульсе – тоже станешь примой нашего театра.

– Чего ж нашего то? – капризно протянула Алиса. – Желаю покорить Ла Скала и Мулен Руж.

– А там разве играют? – засомневалась Женька.

– Нет. Там поют и танцуют. А я сыграю. И будет мне счастье.

Покладистая Женька согласилась и принялась мыть и сушить свежевыкрашенные волосы Алисы. После завершения процедуры та посмотрела в зеркало и осталась довольна результатом.

– Типичная пастушка, – довольно констатировала Женька. – Сиротка просто. Такую хочется прижать к груди и никогда больше не выпускать. Завтра не вздумай испортить образ пошлой красной помадой. Блеск для губ, светлые тени и никакой готики.

– Когда я в готику рядилась, окстись, – возмутилась Алиса.

– Когда мы с тобой на Кипелова ходили. Там надо было соответствовать. И бусики завтра одень попроще, что-нибудь невинное. Он должен сомлеть от восторга.

– Глупости ты говоришь, – хмуро сказала Алиса. – Если он меня будет ждать, как ты предсказываешь, после репетиции, а то и после спектакля, это будет глубокий вечер. Здесь более уместно что-то более яркое. Он меня видел в вечернем наряде. Не переборщим с образом невинной пастушки?

– Хорошего много не бывает, – рассудила Женька. – Будем работать на контрасте. Чует мое сердце, завтра ты получишь путевку с жизнь.

– На БАМ? – иронично подняла бровь Алиса. – Бог бы услышал твое сердце-вещун...

– А твое сердце тебе ничего не подсказывает?

– Подсказывает. А как же? Говорит – завтра, изумрудная моя, встретится тебе бубновый король темным вечером с трефовым тузом на сердце.

– И что сие значит? – не поняла Женька.

– Да откуда мне знать? Я картами никогда не увлекалась, даже в соплячем возрасте. Максимум, на что я способна, это играть в подкидного дурака.

– Я так думаю, это к деньгам, – рассудила Женька.

– У тебя все к деньгам.

– А что, плохо что ли? Лучше к деньгам, чем к пустым хлопотам. Ладно, домой пойду. Провожать не надо. Дверь за собой захлопну.

– Не сопри ничего дорогой, – напутствовала Алиса. Женька скривилась.

– Чего у тебя спереть можно? Тапки твои стоптанные? Ладно, пошла я... А ты давай спать ложись, чтобы посвежее быть и покрасившее...

Утром в театре Алису встретили злобными взглядами и Костюкова и Шалаева. Обе не поздоровались и лишь презрительно фыркнули, когда Шалаев объявил Алисе, что та будет в сегодняшнем спектакле играть Офелию. Королевой-матерью осталась Костюкова, но лишь потому, что эту роль не знала Шалаева. Послезавтра королеву должна была сыграть супруга режиссера, что не добавило оптимизма Костюковой. Да и Шалаеву это ставило в ряд престарелых матрон, чего она очень не хотела, омолаживаясь изо всех сил.

Репетиция шла из рук вон плохо. Алиса дважды сбивалась и получала злобные нагоняи от режиссера, шпынявшего ее до тех пор, пока в зале не появилась директриса. Под тяжелым взглядом Лошаковой, Шалаев стал рассыпаться любезностями, нервно озираясь и вглядываясь в полутемную ложу – не сидит ли там спонсор? После прогона, Алиса зашла в буфет и села в угол с чашкой чая. Тут же в зал вкатили заклятые подруги в лице Костюковой и Шалаевой. Они уселись за соседний столик и, с преувеличенной заботой друг о друге («Ах, дорогая, вам не дует?»), завели светскую беседу о современных нравах молодежи. Алиса стиснула зубы. Мерзкие старухи все-таки вывели ее из себя. Она уже хотела уйти, чтобы не портить и без того шаткое равновесие между ними, как вдруг в буфет тяжелой поступью вошла Лошакова. Директриса окинула взглядом зал и уселась за один столик с Алисой. Алиса молчала, и даже бровью не повела, хотя внутри все колотило, перекатывалось с места на место как студень на покатой миске, и так же тряслось.

– Боишься? – спросила Лошакова. Алиса пожала плечами.

– Боюсь. В первый раз не так страшно было. А сейчас... – Алиса покосилась на ожесточенно сплетничавших старух, которые хорошо поставленными голосами обсуждали, как низко падают некоторые актрисульки, ложась в постель с первым встречным.

Лошакова оглянулась на Костюкову и Шалаеву, и те вдруг притихли.

– Да наплюй ты на них, – вдруг рассмеялась она. – Ничего они тебе не сделают. Их давно пора приструнить. Просто не было у меня кандидатуры подходящей на роли, они ж все-таки заслуженные актрисы... Ты меня держись, со мной не пропадешь!

– Спасибо, – буркнула Алиса, некстати подумав, что пока не требовалось выбить деньги из спонсора, Лошакова обращала внимания на Алису меньше, чем на гардеробщиц. А вот теперь, когда богатый кошелек решил прибрать к рукам молодое тело (что, кстати, было еще под вопросом!) директриса ничуть не сомневаясь продала Алису, словно сутенерша, да еще и пообещала свое покровительство. Внезапно Алиса стала сама себе противна. Но уйти тоже было невежливо. Алиса молча допила свой чай, улыбнулась директрисе и вышла из буфета. Но в свою гримерную не пошла. На улице, под раскидистой ивой, где была оборудована курилка, Алиса просидела с полчаса, жалея, что не научилась курить. Так неестественно было сидеть здесь одной, почти неподвижно, застыв, как статуя сфинкса. Перерыв заканчивался, но, судя по тому, что актеры, занятые в постановке расходились из служебного входа, второго прогона не требовалось. Алиса поднялась со скамейки и пошла внутрь за вещами. Можно было расслабиться до вечера и отдохнуть.

Подслушивать в планы Алисы вовсе не входило, но голос Шалаевой был громким и введливым, даже когда она пыталась говорить тише. Судя по репликам, обсуждалась именно Алиса, и, видимо, довольно давно. Оппонентами Шалаевой была извечная соперница театральной примы Костюкова, а также еще одна актриса – Зинаида Гуц, успешно перешагнувшая за третий десяток лет и тоже претендовавшая на роль Офелии. Актрисы взахлеб распекали внезапно оказавшуюся на волне Филиппову, досталось и ее маме. Алисе стало как-то гадко. Подавив в себе естественное желание войти и заставить нахалок замолчать, Алиса сделала было шаг в сторону, как вдруг голос Шалаевой заставил ее замереть на месте.

– Не волнуйтесь, девочки. Я этой выскочке на сегодняшнем спектакле устрою. Сегодня будет день ее полного и неукротимого провала. Даже ее хахаль увидит, как она ничтожна. Последний раз в этом сезоне Офелию сыграю я.

Костюкова благоразумно промолчала, а Гуц восторженно воскликнула:

– Ах, Лилия Михайловна, вы такая великолепная женщина! Что же вы такое придумали?

– Ну, милая моя, не надо этих отчеств. Называйте меня просто Лили, – жеманно протянула Шалаева.

– Хорошо... Лили... так что вы придумали?

Шалаева многозначительно хихикнула и помолчала, выдерживая паузу. Алиса вдруг почувствовала, как в подсознании что-то шевельнулось, но злость была сильнее. Она стиснула кулаки и обратилась в слух.

– Ну... Лили, не тяните... Вы же знаете, что мы все на вашей стороне, – нервно воскликнула Гуц.

– Не скажу, – захихикала Шалаева. – Могу лишь намекнуть, что именно так поступила с соперницей великая Джулия Ламберт. Если вы, деточка, знакомы с классикой, вы поймете, что я имею в виду. Я уже всех журналистов обзвонила. Дроздецкий обещал быть, Коротков, Гаврилова, Шмелев... Это будет час моего триумфа.

Шалаева захохотала. Алиса отпрыгнула от дверей и вылетела из театра, нервно тыкая в кнопки телефона. Вот мерзкая старуха! Захотела опозорить прямо во время спектакля... ну, зараза, еще посмотрим, кто кого.

Женька прилетела к театру через полчаса, растрепанная и нервная.

– Господи, Дашка меня выгонит на фиг, пока ты устроишь свою личную жизнь! – нервно воскликнула она. – Рассказывай, что стряслось?

– Не уволит, – успокоила ее Алиса и быстро пересказала подслушанное ею в коридорчике перед гримерной Шалаевой. Женька вытаращила глаза и слушала, затаив дыхание.

– Вот калоша старая, – выпалила она, наконец. – Удавила бы гниду собственными руками.

– Удавишь – посадят, – хмуро произнесла Алиса. – Надо чтить уголовный кодекс. Это еще классики писали.

– А что нам, кстати, подсказывает классика? – забеспокоилась Женька. – Что эта самая Джулия Ламберт сделала с соперницей? Облила кровью с кулис?

– Кровью это Стивен Кинг любит... В «Кэрри» так девочку унизили, а она оказалась экстрасенсом и переколбасила весь город с огорчения.

– Ага, ага... А Джулия чего?

– А Джулия просто вышла на сцену в платье, затмившем соперницу, понесла околесицу, сбив партнершу по сцене с толку, и вынула из рукава красный платок, отчего зрители только на платок и смотрели.

– Давай мы тебе тоже в рукава платков напихаем? – предложила Женька. – У тебя же много с ней общих сцен. Прикинь, выходишь ты на сцену. Только она рот разинула, а ты – хоп, и платок из рукава! Например, синий...

– Сдурела? – возмутилась Алиса. – У меня целых два действия несколько сцен вместе с ней. Что же я, как в шапито, буду из карманов платки доставить все время? Синие, красные, зеленые... Давай уж тогда кроликов напихаем мне под платье, голубей. А еще можно, чтобы у меня во время сцены безумия искры из головы летели.

– Ха, а было бы прикольно, – рассмеялась Женька. – Вот потеха была бы! Она – раз платок из рукава, а ты – раз и другой достала.

– Угу... Потом повяжем их на голову и спляшем под «Калинку-малинку», – фыркнула Алиса. – Скачем, а у обеих из под юбок кролики сыплются.

– У нее, скорее жабы, – резюмировала Женька. А Алиса вдруг застыла и уставилась на клумбу у театра. Женька тоже повернулась и посмотрела туда. Клумба ничем выдающимся не отличалась от других клумб. Цвели пионы, нивяник и еще какие-то пестренькие цветочки.

– Ты чего? – удивилась Женька.

– Кажется, я придумала, как мне ответить на все ее выברי, – медленно произнесла Алиса, не отрывая взгляд от клумб. – Надо коробку или банку какую-нибудь. Пошли!

– Зачем? – не поняла Женька. – Ты ее банкой по башке хочешь долбануть? Или в коробку запихнуть? Куда ты меня тащишь?

Для осуществления Алисиного плана потребовалось чуть более полутора часов. Когда дело было сделано, Алиса напоследок проинструктировала Женьку.

– Придешь перед спектаклем, позвонишь. Я тебя проведу в суфлерскую.

– А вдруг там суфлер?

– Не будет там суфлера. Я ему водочки куплю. Можешь даже с ним выпить, только не очень сильно. Он со стакана с копыт двигается. А уж с бутылки будет спать как убитый.

– А вдруг ты слова забудешь?

– Чего бы я слова забыла? – возмутилась Алиса. – Да и не главное это. Как-нибудь выкручусь, даже если чего забуду. Офелия – не самая большая роль. Если уж я премьеру отыграла без подсказок почти и без подготовки, то сегодня и подавно справлюсь. Главное – не пропусти момент моего безумия, когда я подойду и встану прямо напротив тебя.

– Ты уверена, что она начнет свои выкрутасы именно во время сцены безумия? – осторожно спросила Женька.

– Не совсем, но думаю, что так и будет. Это моя самая сильная сцена в спектакле, тем более, общая с ней. Думаю, там она и захочет меня добить. Ну, может, иногда будет сбивать меня с толку каким-нибудь неправильными репликами, молчать будет – это она особенно любит.

– Я бы не стала сбрасывать со счетов способы Стивена Кинга, – засомневалась Женька. – А вдруг они обольют тебя какой-нибудь гадостью сверху?

– Ну, я вверх поглядывать буду и наличия постороннего на кулисах увижу. И маму предупрежу, чтобы посматривала. Но думаю, что дело ограничится платьем или платком.

За кулисами, во время спектакля атмосфера царила просто кладбищенская. Воздух, казалось, был просто заряжен озоном. Алиса видела, как косятся на нее актеры, как прячут ухмылки, причем даже те, кто до сего момента весело отплясывал с ней на утренниках, изображал ее добрых друзей гномов и поросят. Шалаева постаралась на славу, и теперь у Алисы не было ни одного соратника. Народ шарахался от нее, как от прокаженной, а Шалаева злорадно ухмылялась.

На сцене Шалаева вела себя почти прилично. Правда, дважды она постаралась взять паузу, но Алиса, подготовленная к этому финту, отбарабанила без запинки и свои и ее реплики, да так ловко, что зритель ничего не понял, а Шалаева злобно поджала губы. Краем глаза Алиса увидела, как мается в суфлерской Женька, а в ложе поблескивают таинственные глаза Мержинского. Приближалась коронная сцена.

Сменить платье Шалаева не смогла. К сожалению, она не была Джулией Ламберт и не располагала обширным гардеробом, который был бы способен поразить зрителя. Она ограничилась платком. Как только Алиса пошла в зал с букетом цветов, Шалаева двинулась следом и, встав на краю сцены, вытащила из рукава громадное, как знамя, алое полотнище. Зритель ахнул. Алиса с неудовольствием отметила, как защелкали затворами фотоаппараты и, в корне переломив свой спуск, двинулась назад. Шалаева скакала позади, размахивая платком, как красноармеец флагом. Беглого взгляда, брошенного наверх, Алисе хватило, чтобы увидеть – с кулис опасность не угрожает. Никто не торопился облить ее краской или кровью.

– Я подарила бы вам фиалки, – промолвила Алиса, надвигаясь на Шалаеву, – но все они увяли, когда умер мой отец... Говорят, он умер хорошо...

Шалаева сбилась и замерла, держа перед собой на вытянутых руках платок. Голос Алисы прозвучал совсем по-другому. В нем не было покорности судьбе и печали. В этот самый момент Алиса попала под бьющий сверху зеленый луч, отчего ее лицо стало демонически-прекрасным, а голос прозвучал зловеще, со столь явной угрозой, что Шалаева поежилась. В этот самый момент Алиса вырвала платок из ее рук, набросила его себе на голову и, придерживая за уголки, пошла к оркестровой яме, где в суфлерской нервно подпрыгивала Женька с банкой в руках. В зале воцарилась гробовая тишина. Замерли зрители, превратились в соляные столбы актеры. Только фотовспышки сверкали, освещая тоненькую белую фигурку с растрепанными волосами и багряной пеленой за спиной.

– Спокойной ночи, леди, – произнесла Алиса и отпустила платок. Красное полотнище плавно упало на пол, и в этот самый момент Женька открыла банку и встряхнула ее содержимое.

Снизу, прямо к прожекторам устремились бабочки. Десятки белых бабочек на мгновение облепили фигурку Алисы, стоявшей в свете софитов с раскинутыми в стороны руками, а потом взмыли вверх. И в этот же миг Алису накрыло шквалом аплодисментов. Народ срывался со своих мест. Такой овации в театре не помнили давно.

Поскольку в третьем действии Алиса уже не участвовала, то с чистой совестью наблюдала за происходящим. Совершенно деморализованная поведением партнерши Шалаева пыталась перетянуть на себя планку первенства, забыв, что роль королевы отнюдь не глав-

ная. А поскольку красный платок упал к Женьке в суфлерную, Шалаева как фокусник вытащила из рукава что-то блестящее веселенькой расцветки.

– Ну, все, – замогильным голосом сказала тень отца Гамлета, – если сейчас она еще подштанники из рукава достанет, я повешусь.

Алиса бегло бросила взгляд на говорившего и прыснула. Шалаева теребила цветную тряпицу, как могла, и даже умудрилась, умирая, набросить ее себе на голову, а потом демонстративно уронить, но на публику это не произвело впечатления. Ни одной вспышки фотоаппарата не блеснуло во время этой сцены.

На поклоне зрители устроили артистам настоящую овацию. Шалаевы удостоились двух букетов из чахлах гвоздик, которые выносили люди предпенсионного возраста. В них Алиса без труда узнала подружек Шалаевой, частенько приходивших в театр. Алису же просто засыпали цветами. Последней каплей стала громадная, как зонт корзина белых лилий от Мержинского. Шалаева неприлично всхлипнула и ушла со сцены, не дождавшись пока упадет занавес.

Алиса долго принимала поздравления в своей гримерной, где сидела и злопыхательница Гуц, на сей раз льстиво и недостоверно изображая великую любовь к своей коллеге. За стеной слышались рыдания. Это страдала Шалаева, столь же недостоверно утешаемая Костюковой и супругом. Мержинский в гримерке не появился, впрочем, о нем Алиса даже не вспомнила.

Женька ждала на улице, не желая толкаться в духоте. Собственно, из-за подруги Алиса несколько свернула все поздравления, получила поцелуй от мэра и, спешно вытолкав всех из гримерки, смыла грим и переоделась. Она даже не вспомнила, что ей сейчас нужно изображать нежную и трепетную фиалку, чтобы завоевать сердце сверхмогучего спонсора. Выбегав на улицу, она устремилась к подруге.

– Ты бы еще час собиралась, – недовольно пробурчала Женька. Алиса всучила ей охапку цветов (корзину с лилиями забрала домой мама).

– Держи. Ты заслужила.

– Спасибо, – буркнула придавленная букетами Женька. Впрочем, похвала ей явно польстила. – Я думала, умру там от страха, когда ваш Семеныч понес ахинею и рухнул спать прямо к мои ногам.

– Ты самая отважная женщина на свете, – с жаром произнесла Алиса.

– Ой, только вот этого не надо..., – зарделась Женька. – Все ж таки сегодня Шалаева получила по заслугам. Хоть бы зуб вставила перед ролью... Позорище... Хотя кто знает, в каком состоянии были зубы у королевны-матери...

– Я даже не заметила, что она так и не вставила зуб... – Алиса мечтательно задрала голову и зажмурилась... – Господи, воздух какой, почти лето... А когда ты бабочек выпустила, у нее какое лицо было, ты видела?

– Видела, – рассмеялась Женька. – Я думала ее Кондратий обнимет прямо на сцене. Она реально в шоке была. А ты?

– Я тоже в шоке. Зал охнул, это я уразумела. Я до последнего момента боялась, что они передохнут, или не полетят вверх.

– Да ну, капустницы живучие, а летят они на свет, куда ж им еще лететь? – пожала плечами Женька. – До чего твои букеты тяжелые. Забери хоть половину.

Алиса отняла у подруги часть добычи и они, весело смеясь, пошли по театральной площади к стоянке машин. Сегодняшний триумф решили отпраздновать. Подойдя к верениц замерших железных коней, Алиса вдруг услышала:

– Эй, красивая, не проходи мимо!

Девушки обернулись. У своего лакированного джипа стоял Михаил, сияя белозубой улыбкой.

– Привет, – улыбнулась Алиса и подошла ближе. Женька последовала за ней.

– Думал, не дождусь, – оскалился Михаил. – Вау, сколько цветов... А я тут тебе тоже букетик припас, да не хотел на сцену выходить. Думаю, вручу после спектакля, в приватной, так сказать, обстановке.

– Ты на спектакле был? – удивилась Алиса.

– А что я, по-твоему, чучело необразованное? – обиделся Михаил. – У меня, между прочим, два высших образования.

Женька кашлянула.

– Ой, – спохватилась Алиса. – Я вас не представила. Это Миша, очень милый молодой человек. Мы недавно познакомились, я тебе рассказывала. А это Женя, моя лучшая подруга.

– Очень рада, – кисло ответила Женька. – Ну, если вы настолько милый, может вы заберете цветы и отгрузите нас до родных пенат?

– С удовольствием, – оскалился Михаил и забрал у Женьки букеты, небрежно забросив их на заднее сидение машины. Алиса протянула ему свои цветы и тут услышала за спиной:

– Алиса!

Она обернулась. Позади с не самым приятным выражением на лице стоял Мержинский, держащий в руках еще один букет – на сей раз красные розы. Смотрел он почему-то не на Алису, а на Михаила, с лица которого сползала улыбка.

– Здравствуй, племянник, – холодно поздоровался Мержинский.

– Здравсьте, дядя Вова, – ехидно ответил Михаил. – Вы к искусству приобщились, я смотрю?

– Давно. А у тебя подобной тяги я никогда не наблюдал, – с ледяным высокомерием ответил Мержинский и повернулся к Алисе. – Что же ты от меня так быстро убежала, прямо как Золушка.

– Ей не привыкать, – ляпнула Женька. Мержинский сурово посмотрел на нее, а Женька нервно защебетала, – я к тому, что она Золушку играет в спектакле уже год. Вот и удирает от принцев по инерции.

– Мы с Женей хотели отпраздновать сегодняшний спектакль, – попыталась исправить положения Алиса. – Присоединяйтесь к нам, мы вас приглашаем. Вот только цветы домой отвезем. У нас прямо рядом с домом чудное кафе.

– Спасибо, но сегодня я запланировал для нас праздник в другом месте, – вежливо ответил Мержинский, а понятливая Женька тут же влезла в беседу.

– По правде говоря, мне нужно домой, у меня там... – на этой фразе Женька смутилась, поскольку чего у нее там она придумать не успела, поэтому закончила фразу несколько скомкано. – Дела у меня там, короче говоря.

– Вот и чудненько, – улыбнулся Мержинский. – Думаю, что Михаил как раз Евгению и отвезет. Не так ли, племянничек?

Женька стрельнула в сторону Михаила кокетливым взглядом, а тот, стиснув зубы и сжав кулаки, лишь коротко кивнул головой.

Два черных джипа разъехали в разные стороны. Женька из окна машины Михаила показала Алисе два поднятых вверх больших пальца. Алиса улыбнулась и посмотрела на чеканный профиль своего кавалера. Похоже, жизнь налаживалась.

Холодные струи воды, бившие мне в лицо, отрезвили меня. Я осторожно приоткрыла глаза.

Да, это моя ванная. Я лежу в ванне на треть наполненной водой, потому что отверстие слива где-то подо мной, и я его частично перекрыла. У меня болит все тело, только лицо онемело от холода, потому что вода до сих пор смывает с него мою боль и мою кровь.

Ванна забрызгана смазанными вишневыми каплями. Шею щиплет, а под пальцами что-то странно хрустит. Я пошевелила рукой и слабо вскрикнула от боли. Под пальцами звякнули осколки стекла, о которые я только что порезала руку. Это мое зеркало, которое украшало ванную комнату. Что оно делает подо мной?

Ах да... Эль-Нинье...

Я хотела остановить льющуюся на меня воду, но боялась, что как только эти шелестящие струи остановятся, вернется боль и мужчина, избивший меня. Но мне было так холодно, очень холодно в этой воде, что я не выдержала и потянулась к краю ванны. Все тело, словно ожидая этого движения, протестующее вскрикнуло. Я застонала, но тут же прикусила губу, опасаясь, что ОН еще где-то поблизости, услышит мой всхлип и придет.

И тогда я умру.

Вода продолжала шуметь, но больше я не слышала ни звука. Неужели он ушел? Медленно, не сводя глаз с двери, я нащупала кран и опустила рычаг вниз. Странно всхлипнув, вода из душа перестала течь. Я сдвинулась в сторону, подо мной зажурчало, вода с шумом уходила в слив. Я вновь потянулась к краю ванны и, уцепившись за него пальцами, потянула тело прочь от этого устрашающего белого лона. Неуклюже перекатившись через бортик, я рухнула на пол, взыв от боли. На зеленый коврик текла смешанная с кровью вода. Я упала навзничь и начала выть, как раненная волчица.

Сколько я лежала на полу? Время, как говорили сумасшедший Шляпа и Мартовский заяц – Время – существо разумное. Я выла и выла, смешивая слезы с текущей с головы водой, пока не стала захлебываться и кашлять. Время снисходительно смотрело на мои корчи, не забывая двигать свои стрелки. Мне показалось, что прошла целая вечность.

Нужно встать. Нужно двигаться.

Свои силы я преувеличила, потому что встать, то я встала, а вот идти совершенно не могла. Пол сразу же вздыбился у меня под ногами, и я едва не раскроила себе череп об унитаз. Только в последний момент я вцепилась в дверной косяк, и оттого удержалась на ногах.

Нет, так дело не пойдет...

Я села на пол и привалилась к стене. Ощущение дурноты постепенно проходило. Я подняла глаза вверх. Потолок качался, словно я плыла в сильный шторм в небольшом суденышке по бурному морю. Меня снова замутило. Хорошо, что унитаз был рядом.

Нужно добраться до телефона. Эта здравая мысль посетила меня, как только мне стало чуть-чуть полегче. Нужно позвать на помощь. Не помню, требовал Эль-Нинье, чтобы я не обращалась в милицию, но я лично не собиралась подчиняться его требованиям. Но сейчас не до милиции. Мне нужен врач, а еще лучше верная подруга, которая поможет. И Агата, черт побери, Агата... Она наверняка сходит с ума в пустом доме, хотя никогда не признается в этом.

Трубки на базе не было. Где она валялась, я не знала. Я нажала на кнопку и услышала противное пищание где-то в спальне. Да, кажется, я оставила телефон там. Но расстояние между спальней и ванной казалось мне непреодолимым. Нет, я не доползу... Где мой мобильный?

Сумка валялась здесь же в прихожей, но почему-то на полу. Рядом находилось ее содержимое: свернутые вчетверо бумажки, косметичка, раздавленная помада... Телефона не было. Проклятый Эль-Нинье унес его с собой.

Трубка продолжала пищать. Я всхлипнула и поползла в спальню на четвереньках, оставляя за собой мокрый след. Женька, только бы ты была дома... Я не могу позвонить тебе на сотовый, потому что номер вбит в мой мобильный, и я его не помню... Вечер. Уже темно, ты должна быть дома, если не убежала на свидание... Пожалуйста...

– Ты что, с ума сошла, – сонно пробурчала Женька в трубку. – Второй час ночи...

– Женечка... – прошелестела я. – Женечка...

– Алиса, ты где? Что с тобой? – перепугалась Женька. – Я тебе домой звонила, Агата на меня наорала... Она думала, что мы вместе. Ты где?

– Я... – мне потребовалось осмыслить и внятно донести до Женьки, где я находилась, – я дома... в маминой квартире... Я совсем рядом...

– Тебе плохо? – тоненьким голосом спросила она. Я поняла, что она до смерти напугана и сама сейчас заплачет. – Что случилось?

– Я... Меня избили. Женья, приходи... Мне очень больно...

Женька бросила трубку, даже не дослушав меня. Я выпустила трубку из рук и легла на ковер. О том, чтобы перебраться на кровать, я не могла даже мечтать. Я закрыла глаза и почти сразу же услышала шум в прихожей. Женька влетала в квартиру и заорала:

– Алиса, ты где?

«Здесь», – ответила я, а точнее подумала, что ответила и провалилась в беспамятство.

Когда я открыла глаза, то увидела потолок. Самый обыкновенный потолок с неаппетитным бурым пятном от сырости на нем и жирной мухой, радостно потирающей лапки. Потолок был не моим, я бы такого безобразия не потерпела бы, оттого и скосила глаза в сторону. Стены тоже были не моими. Чересчур белыми, белеными и в таких же мерзких потеках от сырости. Рядом кто-то сопел, по другую сторону от меня кто-то громогласно храпел. Солнечные лучи оптимистично скакали по стенам. Я пошевелилась. Болело все, рука, голова, грудь... Лицо щипало и зудело, что больше всего меня испугало. Боже мой, что у меня с лицом? Нужно встать и добраться до зеркала. Я излишне резко подняла голову, и немедленно была наказана. Меня замутило, я рухнула в подушку, которая не отличалась мягкостью.

То, что сопело у меня под боком, завозилось. Надо мной возникла Женькина голова.

– Господи, как ты меня напугала! – выдохнула она. – Захожу, ты вся в кровище, квартира разгромлена...

– Я в больнице что ли? – осведомилась я.

– А где еще? Я сразу и ментов и врачей вызвала... – тут Женька опасливо покосилась по сторонам и добавила шепотом, – или ментов не надо было?

Я попыталась пожать плечами, что получилось неплохо.

– Насчет этого указаний не было. Видимо, ментов он не опасался.

Женька придвинулась ближе.

– Слушай, а кто это был?

– Эль-Нинье, – серьезно ответила я. Женька вытаращила глаза.

– Мексиканец что ли?

– Почему мексиканец? – удивилась я.

– Ну, раз его так зовут... Прямо как Эль-Койот во «Всаднике без головы». Он что, так представился?

– Он вообще не представлялся.

– Откуда тогда ты знаешь, что его так зовут?

– Кого?

Женька закатила глаза.

– Ну, этого грабителя. С чего ты решила, что его так зовут?

– Ни с чего. Могу я его как-то обозвать? Дай-ка зеркало.

Женька сунула руку под стул, поставила на колени сумочку, из которой вытащила зеркальце и сунула его мне под нос.

– На, любуйся...

Я отодвинула руку Женьки чуть-чуть подальше, поскольку она в своем усердии угодить едва не выбила мне зубы, и принялась любоваться. Зрелище было еще то, но в целом,

я ожидала худшего. На лбу шрам, глаз подбит и кровоподтек на губе, сильно смазанный зеленкой, что красоты мне не добавляло.

– М-да, – подытожила я, – красота – это страшная сила. И чем дальше, тем страшнее.

– Ты себя нормально чувствуешь? – вдруг встрепенулась Женька.

– Да так... Умирать вроде не собираюсь. А что?

– Ну, я с врачом говорила, у тебя в принципе ничего серьезного нет. Пойду с ним еще почирикаю, может быть, заберу тебя домой сегодня. Или ты не хочешь?

– Хочу.

– Тогда я пошла. Там, кстати, мент сидит в коридоре, опросить тебя хочет. Вдове Мержинского вон какой почет... Это не я сказала, это врач с медсестрой языки чесали, что для допроса по обычному налету менты в коридорчике полдня не сидят. Видишь, как тебя уважают!

– Это не меня, это Володю. Ладно, дуй к врачу. Агата там как?

– Ругается, – пожалала плечами Женька. – Рвалась ехать сюда, но я ее убедила, что ей с ее характером лучше посидеть дома на цепи, глядишь и грабители не влезут. Все польза.

– Так и сказала?

– А чего с ней цацкаться? Свалилась тебе на голову, как птичье дерьмо, еще командовать вздумала. Ладно, пойду, поговорю с врачом, если он тебя отпустит, сразу за вещами сгоняю, а то я сразу не догадалась одежду прихватить.

Женька вышла. Я повернула голову в сторону раскатистого храпа. Напротив моей кровати стояла еще одна, жалобно прогибавшаяся под весом слоноподобной старухи. Бабуся лежала на спине, на ее животе лежала пестрая книжка с обнимающейся парочкой на обложке. Я усмехнулась. Наверняка какая-нибудь «Любовь в бамбуке». Я любовных романов не читала принципиально, в отличие от Женьки, которая предпочитала только такую литературу, да еще вот сборники анекдотов. Даже кроссворды она разгадывала с учетом того, что многое там не совпадает с ее мнением.

Дверь снова скрипнула. Я подумала, что вернулась Женька, но в палату вошел молодой мужчина со скучным лицом, на котором отчетливо читалась его принадлежность к органам. Он с любопытством посмотрел на меня и подошел к кровати.

– Здравствуйте, Алиса Геннадьевна.

– Здравствуйте, – вежливо ответила я умирающим голосом, томно прикрыв глаза. Пусть проникнется на всякий случай.

– Как вы себя чувствуете? – не менее учтиво осведомился он.

– Спасибо, стабильно плохо, – серьезно ответила я. Мужчина перепугался, на его лице появилось смущение.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов по поводу всего случившегося, если вы не против.

– Пожалуйста, – смилостивилась я. – А как вас зовут?

– Меня? – удивился мужчина.

«Пудинг, это Алиса, Алиса, это пудинг», – пронеслось у меня в голове. Я закатила глаза и вздохнула. Мужчина перепугался еще больше.

– Я капитан Миронов, вот мое удостоверение, – проямлил он, вынул из кармана бордовую книжечку, уронил ее на пол, полез ее доставать под кровать, уронил что-то еще, вылез с лицом, на котором красовалось тщательно симитированное смущение. Я усмехнулась про себя. Станиславский сказал бы: «Не верю!». Вот и я не поверила.

– Алиса Геннадьевна, расскажите, что произошло с вами вчера, – вежливо попросил он, приготовившись записывать что-то в блокнот.

– Я вошла в квартиру. Успела дойти до кухни... Ах да, я разулась, бросила сумочку на полку... Потом пошла в кухню и тут он на меня напал.

– Кто?

Я с укором посмотрела на представителя власти. Он сделал вид, что смутился.

– Вы знаете, он почему-то не представился. Дал мне по голове, я и отрубилась. Очнулась в ванной, он поливал меня водой и угрожал.

– Угрожал? Чем конкретно?

– Что убьет.

Капитан Миронов чего-то черкнул в своем блокноте, потом посмотрел на меня с тоской во взоре.

– Он вас только бил, или...

– Только бил, – твердо ответила я. – Хотя обещал, что надругается весьма изощренным способом при помощи посторонних предметов. Но этот момент, если вы не против, я опущу.

– Чего он от вас хотел?

– Денег, естественно.

Во взгляде Миронова вспыхнул неподдельный интерес.

– Денег? Каких?

– Откуда мне знать? В последнее время очень многие хотят от меня каких-то денег. Видимо, предполагают, что они у меня в избытке.

Интерес в глазах Миронова стал просто неприличным.

– Если я не ошибаюсь, ваш покойный муж был весьма обеспеченным человеком. Не его ли деньги желал забрать напавший на вас мужчина?

– Простите, а как ваше имя? – поинтересовалась я.

– Кирилл, а что?

– Ничего. Просто обращаться к вам «товарищ капитан» я решительно отказываюсь. Или как сейчас принято? Господин капитан?

– Да ладно, чего там, – смутился Кирилл и на сей раз его щеки слегка зарделись, можно просто по имени, без церемоний.

– Тогда называйте меня просто Алиса, – предложила я. – Не люблю сочетания с отчеством.

– Почему?

– Да так. Мы с отцом в очень сложных отношениях. Я не люблю о нем говорить и лишнее упоминание об его личности мне неприятно.

Судя по лицу Кирилла, ему очень хотелось узнать, почему у меня сложные отношения с отцом, но он воздержался от этого вопроса.

– О чем вы меня спрашивали? Ах, да, о деньгах... Видите ли, Кирилл, так получилось, что завещание моего супруга было несколько странным в моем понимании. Он не оставил мне почти ничего. Фирма, дом, квартира в центре и даже машина отошли его родственникам. Я осталась практически с тем, с чем пришла в его дом. Так что требовать с меня деньги по меньшей мере глупо. Что я могу предложить? Свою театральную зарплату? Так она крайне невелика. Хватит лишь на еду, недорогие тряпки и оплату коммунальных услуг... Ах, да, за мной осталась еще «Хонда», на которой я училась ездить. Так он очень уж старенькая, ей красная цена три тысячи долларов.

– Алиса, а с какой целью вы приехали в эту квартиру? Вы ведь живете за городом?

«Интересно, откуда он это знает?» – подумала я. – Конечно, он – милиция, ему положено. Может быть, Женька натрепала, хотя вряд ли... Или он имеет в виду дом Володи?»

– Живу, – кивнула я. – Как я уже сказала, завещание моего мужа было весьма своеобразным. Он оформил меня опекуной над своей экс-тещей Агатой Берг. Агата – женщина пожилая, ей требуется уход. Вот я и переехала к ней. А эту квартиру я решила сдать. Это, если вы не в курсе, моя старая квартира, точнее, квартира моей мамы. Но мама умерла недавно...

В этом месте была уместна слезинка. Мне даже не пришлось сильно стараться, чтобы выдавить ее. Мама, хоть и прожила свою жизнь попрыгуньей-стрекозой, все же чужим человеком для меня не была, хоть и хорошего я от нее почти не видела. Я несколько раз шумно вдохнула, вытерла слезы рукой, хотя голова работала как смазанный будильник.

– Сочувствую, – сказал Кирилл.

– Спасибо. Мама... У нее, оказывается был рак, а она даже не подозревала, а потом как-то сгорела за три месяца. Мы ведь не так хорошо жили, как про нас думают. У нас даже покушать часто было нечего. И потом, Володя... Когда он умер, я не ожидала, что все это на меня в одночасье свалится... Жить-то надо... Вот я и решила квартиру сдать, за документами пришла, а тут он...

– Алиса, как вы думаете, это нападение было связано с деятельностью вашего мужа или все-таки это был случайный грабитель?

Взгляд Кирилла мне не понравился. Кроме любопытства, в нем горел настоящий огонь, нет, пламя азарта, как у почувшей добычу гончей.

– Я уверена, что это не просто зашедший на огонек взломщик, – твердо сказала я. – Он несколько раз сказал мне: «Ищи деньги!» А чего их искать? В этой квартире они сроду не водились. Думаю, что это все-таки Володины дела какие-то аукнулись... Впрочем, мобильный он у меня все-таки стырил.

– Коробочка от телефона у вас осталась? – спросил Кирилл.

– Не знаю, вряд ли, а зачем? Он сим-карту выбросит и ищи-свищи.

– Не совсем так. Украденный телефон можно разыскать по его персональному номеру... Вы коробочку все-таки поищите.

– Даже если ее не выбросили, она в нашем... ну, в Володином доме, а он уже мне не принадлежит. Я там даже не прописана уже.

Зря я, конечно, это сказала, но вроде бы он не обратил на мой промах внимания. Что-то черкнул в блокноте и посмотрел на меня с интересом.

– Алиса, вы, конечно, простите, а почему он оставил вам опеку над бывшей тещей? Если бы он собрался с вами разводиться, то его стремление оставить вас без гроша было бы понятно, но он почему-то оставляет вам в наследство бывшую тещу. Она жила с вами?

– Агата? Да боже упаси. У Агаты такой характер, что ее мало кто выносил, особенно его родственники. А мы с ней неплохо ладили. Агата Володю очень любила, а он чувствовал себя перед ней виноватым.

– Почему?

– Первая Володина жена разбилась на машине. Володя казнил за это себя. Он в тот день выпил и велел ей сесть за руль. Анна водила плохо, да еще дождь был. Ну и врезалась в фуру. Володя тогда почти не пострадал, он спал на заднем сидении, а Анна умерла сразу. Агата тогда в один день поседела, очень убивалась по дочери, она у нее одна была. Но Володю она очень любила, сыночком называла. Вторую его жену она так и не приняла, а вот со мной как-то очень быстро сошлась. Она мою бабушку немного знала. Вот Володя и оставил опеку мне. Я и не возражала.

– А содержание бывшей теще он оставил? – простодушно спросил Кирилл, но вопрос этот явно не давал ему покоя, вон как он заерзал.

– Весьма скромное. На содержание Агаты выплачивается небольшая сумма из какого-то фонда. Содержание, насколько я знаю, пожизненное. То бишь, если Агата умрет, оно прекратится.

Кирилл посмотрел на меня со странным выражением, поерзал, а потом все-таки задал вопрос, который не давал ему покоя.

– Алиса, а почему вы мне это сказали?

Я фыркнула.

– Можно подумать, ход ваших мыслей мне не понятен. Вы наверняка подумали, что я осталась с Агатой из-за денег. Признайтесь, подумали же?

Кирилл пожал плечами.

– Ой, не кокетничайте, – усмехнулась я и скривилась от боли. Травмированный рот дал о себе знать. – Только ваши подозрения абсолютно беспочвенны. Я действительно хорошо отношусь к Агате, и мне не светит никакое наследство, если она вдруг скончается. Муж не оставил Агате ничего, кроме содержания из фонда. Так что все абсолютно невинно. В свете последних событий опасаться следует скорее мне.

– Скажите, почему об Агате Берг не заботятся другие родственники Мержинского? Ведь вы все-таки не так долго были за ним замужем...

– Я уже сказала, Агату Володины родственники никогда не любили. Она женщина не самого легкого нрава, и его родню на дух не переносила. Ну, они, собственно тоже не жаловали ее. А со смертью Володи и вовсе отлучили от дома. Впрочем, она, как мне кажется и не стремится туда возвращаться.

– Хорошо, вернемся к нападению на вас. Вы смогли бы опознать мужчину, который вломился в вашу квартиру? – спросил Кирилл так обреченно, что уже наверняка был уверен в моем отрицательном ответе. Я пожала плечами.

– Не знаю. Хотя у него довольно приметная морда. И еще большая родинка на шее.

– Родинка? – вскинулся Кирилл. – Слева? Справа? Какой формы?

– Слева, кажется.... Да, точно слева. Как сейчас помню, он меня держит за горло, а у самого эта родинка вот тут.... Почти под ухом... такая, как лепешка из грязи, отвратительная, с волосками.

Кирилл еще немного меня помучил, чтобы я более подробно описала приметы нападавшего, что я честно постаралась сделать, пока не почувствовала смертельную усталость. В этот самый момент в палату ворвалась Женька. Тихо ходить она вообще не умеет. Поэтому, когда она влетела в комнату, словно ведьма на помеле, перепуганный Кирилл поронял все, что держал в руках. Ехидная Женька не преминула это отметить.

– Мужчина, у вас упало, – томным голосом произнесла она, – поднимите... и пользуйтесь.

К Женькиному лексикону вообще-то посторонние люди привыкают не сразу. Она у нас особа эпатажная, ей бы в театре играть. Вот и капитан с простой фамилией Миронов так и раскрыл рот, хотя за годы службы мог бы привыкнуть ко всяким особям разных полов. К тому же Женька любит эффектно одеться, да и прическа у нее всегда на высшем уровне, так что произвести впечатление она умеет.

– Доктор сказал, что ты можешь уехать хоть сейчас, если милиция не против, – сообщила Женька и повернулась к Миронову, – товарищ милиция, вы не против, чтобы госпожа Мержинская отъехала на родину?

– Не против, – слегка запинаящимся голосом произнес Кирилл, и добавил чуть более решительно, – если вы нам понадобится, вы вас вызовем.

– Вот и чудненько, – обрадовалась Женька. – А теперь покиньте помещение, дама должна переодеться.

Процесс выписки занял с полчаса, в течение которого я в основном сидела на скамеечке, а Женька гневным шепотом объяснялась с медперсоналом. Домой мы отбыли на моей машине, которую Женька заботливо пригнала к крыльцу больницы. То, что доверенности на машину у нее не было, подругу абсолютно не волновало.

– Как самочувствие? – спросила она.

– Нормально, – вяло ответила я. – Вроде помирать не собираюсь.

– Боишься?

– Кого? – не поняла я.

– Ну, этого, бандита... как ты там его называла... Эль-Нинье...

Я пожала плечами.

– Тогда боялась. И сейчас, наверное, тоже боюсь. Голова гудит, не до этого.

– А мент? – осведомилась любопытная Женька. – Какое впечатление произвел?

– Как мужчина? – опять не поняла я.

– Дура. Как мент. Сильно докучал?

Я вторично пожала плечами. Потом задумалась.

– Он пытается казаться проще, чем есть на самом деле. И на тебя глазищи вытаращил, и в палате все поронял. Казалось, сейчас плакат достанет из кармана: «Я – недотепа».

– А на самом деле?

– А на самом деле у этого недотепы волчий взгляд, холодный и расчетливый. Я бы не хотела встретиться с ним в честном бою.

– Так то в честном, – хмыкнула Женька и повернула к дому. – О, вон Агата в окошке торчит. Говорила ей, чтобы спать ложилась, нас не ждала, так нет же, заботу проявляет. Сейчас вам, Алиса Геннадьевна, мало не покажется. Знаешь, когда я ее вижу, меня так и подмывает спеть: «Где же, где же Барбацуца?»

– Это еще откуда? – удивилась я. Женька периодически радовала цитатами из каких-то фильмов и книг, которые, в отличие от нужных вещей, запоминались ею намертво.

– Не помню. Из мультфильма какого-то кажется. О, все, вылезла... Сейчас начнется...

Агата и правда стояла на покосившемся крыльчке, вся в черном, с клюкой в руке, сильно смахивая на злую Бастинду из детской сказки. Губы были чопорно поджаты, но спина все так же негибаема, в глазах здоровая злость.

– Допрыгалась? – ядовито поинтересовалась она. – Хорошо хоть башку не открутили.

– Я тоже рада тебя видеть, – ответила я и осторожно пошла по ступенькам вверх. Агата отодвинулась в сторону, давая мне дорогу. Лицо слегка дрогнуло. Я прекрасно понимала, что сейчас она борется с собой, но выказать жалость она не могла. Это нанесло бы несокрушимый удар по ее имиджу Женщины-Рэмбо, Железной леди и Сары Коннор в одном флаконе. Поскольку трогать меня сейчас Агата сочла нецелесообразным, ее недовольство обрушилось на Женьку.

– А ты чего возилась так долго? Тут до больницы два квартала, на машине так и вовсе две минуты. А ноги то... Ноги...

На Женьке были колготки в розово-бело-голубую полоску, совершенно девчоночьи, которые на ее весьма полных ногах смотрелись чрезвычайно колоритно. Агата такой безвкусицы стерпеть не могла.

– Ты в таком виде ездила в больницу? – закатила глаза Агата. – Странно, что охрана не пристрелила тебя на входе или хотя бы не задержала до выяснения личности. Одеваешься как прошмандовка, прости господи!

– Агата Карловна, зато вы прекрасно выглядите. Кто бальзамирует? – не осталась в долгу Женька, предпочитавшая с Агатой не церемониться.

– Ты доживи до моих лет, я посмотрю, как ты будешь выглядеть, – огрызнулась Агата.

– Посмотрите? – ужаснулась Женька. Агата отвесила Женьке подзатыльник.

– Хватит тут языком чесать! Иди лучше, Алисе ванну набери да постель расстели внизу, а то она до своей спальни не доберется.

– Яволь, мой фюрер, – отчеканила Женька, выкатив грудь вперед, – в смысле, сейчас сделаю.

Женька понеслась вверх, а я медленно, взвешивая каждый шаг и мурлыча про себя что-то вроде: «Хорошо, хорошо, зер гут, нашей любви капут», пошла к старенькому дивану и легла. В машине меня укачало, слегка подташнивало, и я с благодарностью подумала, что

такого заботливого человека как Агата, у меня не было никогда. Она каким-то образом угадала, что я больше всего сейчас желаю не просто погрузиться в теплую, пропитанную ароматными маслами воду, но смыть с себя запах грязной больницы, лекарств, несвежего белья, и больше всего запах крови и страха. Женька прибежала где-то через четверть часа и помогла мне дойти до ванной и раздеться. Я лежала в теплом и спокойном море и думала. Женька сидела рядом и о чем-то сосредоточенно размышляла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.